

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

1.

	<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	
1. В. А. Жуновскій къ Государю Императору Александру Николаевичу. Три письма 1848 года.	7		
2. Великій князь Константинъ Павловичъ къ графу Бенкендорфу. Письма 1829—1831 годовъ	20		
3. Графъ Бенкендорфъ къ великому князю Константину Павловичу, во время Польскаго мятежа.	33		
4. Изъ воспоминаній Леонида Федоровича Львова. 1837. I и II (Столкновеніе съ часовымъ на заставѣ.—Графъ Киселевъ и Завидовскій ямщикъ.—Императоръ Николай въ Ковнѣ и Вильнѣ.—Дерзость Польскихъ дамъ).	43		
5. Изъ Записокъ стараго Преображенца. 1855. (Кончина Государя.—Смѣна графа Э. Т. Баранова Мушнымъ - Пушкинымъ.—Икона въ Вѣлостокѣ).	54		
6. Кавказскія воспоминанія А. Л. Зиссермана *). 1857. Главы III—VI. (Главный докторъ въ крѣпости Грозной.—Освѣженіе умовъ.—Шалинское укрѣпленіе.—Письменные ра-		боты у графа Евдокимова.—Офрейшъ.—Руновскій.—Письмо Фаддѣева.—Очеркъ жизни графа Евдокимова.—Его автобіографическія письма къ Клюгенау.—Памятникъ ему).	
		67	
		7. Эпизоды изъ событій 1861—1864 гг. Воспоминанія современника - очевидца. I. Самоубійство Герштенцвейга (1861).	103
		8. Къ біографіи поэта Веневитинова (Причины его рановременной кончины). Статья М. А. Веневитинова).	113
		9. Стихи А. Н. Муравьева про статую Аполлона Бельведерскаго.	132
		10. Графъ Бенкендорфъ о мнимомъ сумасшествіи Чадаева.	132
		11. Три новыя письма Вольтера. (Сообщилъ Д. Ф. Кобеко).	133
		12. Листокъ изъ архива села Знаменки Н. П. Барсукова.	137
		13. Разныя разности.	139
		14. Стихи Н. Ф. Павлова въ Московской долговой ямѣ.	142
		15. Орель съ его увздами. Стихи С. А. Соболевскаго.	143

*) Новые подписчики, не имѣющіе Русскаго Архива 1884 г., гдѣ начаты печатаніемъ эти Воспоминанія, могутъ, по заявленіи, бесплатно получать первыя двѣ главы.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ графа Н. И. Евдокимова.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

ВОСПОМИНАНІЕ О КОНСТАНТИНѢ СЕРГѢВИЧѢ АКСАКОВѢ.

1.

«*Сыны вѣка сего умнѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ*» — и, среди многолюдной свѣтской толпы, въ безконечной пуганицѣ житейскихъ отношеній, всякому приходится видѣть оправданнымъ на дѣлѣ великій смыслъ этого всемірнаго изреченія. «Сынъ вѣка» хвалится постояннымъ успѣхомъ, самъ вѣкъ и все современное общество становятся на его сторону, а «сынъ свѣта» представляется еще какимъ-то жалкимъ, смѣшнымъ кривцомъ. Когда-то еще, болѣею частью спустя много времени, разберутъ люди отличіе свѣта и истины отъ лживости временнаго успѣха! Не рабство своему времени, не лесть и угодность современника своей современности (эта порука временнаго успѣха) составляютъ отличіе «сыновъ свѣта».

Намъ невольно пришли на умъ эти общія разсужденія, едва мы произнесли имя *Константина Сергѣевича Аксакова*. Какое множество, быть можетъ, умныхъ людей, съ высоты своего пракческаго разумѣнія, считали его ребенкомъ и даже дитяемъ. Какъ они должны были забавляться его простодушною вѣрою въ людей и совершеннымъ невѣдѣніемъ тѣхъ такъ называемыхъ практическихъ истинъ, чѣмъ извѣстны даже весьма дюжиннымъ умникамъ наизусть. Но какъ вся эта масса свѣтскихъ мудрецовъ пасовала передъ нимъ, передъ этимъ «младенцемъ на злое» именно ради его неумолимаго и неподкупнаго нравственнаго чувства. Никакой сдѣлки съ совѣстью, никакого компромисса или способа уживчивости, *modus vivendi* кривды съ правдой онъ не допускалъ. До сихъ поръ приходится слышать и даже читать, при оцѣнкѣ личнаго характера Константина Сергѣевича, много невѣрнаго, именно потому что проглядываютъ это главное его свойство. Впро-

чемъ, какъ литературные его друзья, такъ и противники единогласно сходятся въ томъ, что это была чистѣйшая и честнѣйшая природа. Довольно припомнить хотя бы теплыя строки Герцена, написанныя объ немъ сейчасъ по полученіи извѣстія объ его смерти въ 1860 году на острвѣ Зантѣ.

Да! это была жизнь, это была и смерть совершенно особенная.

И теперь, стоя у надгробной плиты, гдѣ вычеканено *К. С. Аксаковъ*, съ особенной живостью чувствуешь, какъ все имъ говоренное и написанное было искренно. Даже самая полемика его, а порой прямо и бичеванье противоположныхъ прищиповъ, какъ они были незлобивы, праведны можно бы сказать. Отвѣтственность за всѣ свои строки, даже полемическія, представлялась ему при жизни долженствовавшей быть именно такою, чтобы отъ нихъ не отречься даже изъ-за могилы. Во всѣхъ его сочиненіяхъ это чувствуется сейчасъ.

Писаннаго онъ оставилъ послѣ себя сравнительно немного; но вся его жизнь была непрерывная, живая проповѣдь. Это былъ одинъ изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, чей личный характеръ, самъ нравственный образъ и весь поступокъ оказываютъ еще больше вліянія, чѣмъ остающіяся послѣ нихъ писанныя строки.

— «Я ему руки не подаю», сказалъ мнѣ одинъ разъ Константинъ Сергѣевичъ про человѣка весьма извѣстнаго тогда въ Московскомъ свѣтѣ. Признаться, меня это удивило, именно потому что личность, о которой шла рѣчь, пользовалась всеобщимъ внѣшнимъ почетомъ; трудно бы было и избѣжать встрѣчъ въ обществѣ именно съ этимъ, бывшимъ тогда въ славѣ, общественнымъ дѣятелемъ.— «Я не знаю ничего безнравственнѣе свѣтской нравственности», продолжалъ, какъ бы въ поясненіе своей мысли Константинъ Сергѣевичъ. «Случалось-ли вамъ слышать такое общепринятое про человѣка выраженіе (именно только въ свѣтѣ оно могло родиться!): это—разбойникъ, это безнравственный человѣкъ, *mais c'est un homme tout à fait comme il faut*, руку ему можно подать?»

— «Я у нея не бываю и съ ней не говорю», точно также сказалъ мнѣ разъ Константинъ Сергѣевичъ про одну извѣстную даму, и это меня удивило тѣмъ болѣе, что съ ея мужемъ самъ Константинъ Сергѣевичъ былъ въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ.

Многимъ покажется страннымъ, что одинъ единственный человѣкъ беретъ на себя не кланяться и не подавать руки такому лицу, котораго носитъ на рукахъ весь городъ. Но многимъ и приходится пожелать побольше странностей этого рода.

«*Fausse honte!* *) вотъ еще слово!» часто приходилось слышать отъ

*) Ложный стыдъ.

Константина Сергѣевича. — У насъ найдутся тысячи храбрѣцовъ, готовыхъ лѣзть на пушки, но они спасуютъ предъ малѣйшимъ искушеніемъ именно *fausse honte*'а! О, какъ надо всякому бороться съ этимъ чувствомъ! Если есть честное убѣжденіе и сознаніе въ томъ, что оно честно, надо идти съ нимъ впередъ; надо имѣть мужество исповѣдывать его открыто, хотя бы презрительныя насмѣшки сыпались кругомъ. *Fausse honte*—это глубочайшее рабство челоуѣка; такое рабство, никакое другое съ нимъ не сравнится. Это гниль души. *Fausse honte* понятіе также совершенно свѣтское. Оно именно могло выработаться только въ бездушной, безнравственной средѣ. И я вообще не знаю ничего безнравственнѣе самого этого понятія: *святъ*. Оно у насъ не свое, оно пришло къ намъ съ Запада. Это цѣлый принципъ плѣнительно-лживый. А не та ложь и не то зло страшны, который ужъ съ виду отвратительны и отталкиваютъ отъ себя. Страшна та ложь, которая имѣетъ въ себѣ прелесть и демоническую силу обаянія. Опасно то зло, которое тянетъ и, какъ всякое художественное начало, плѣнительно. *Das Uebel ist reizend* *), недаромъ говорятъ Нѣмцы.

Читая въ тогдашнемъ «Современникѣ» и въ прочихъ модныхъ журналахъ всякаго рода пошлости о такъ называемыхъ Славянофилахъ, не вѣрилось, наконецъ, самому себѣ и приходилось краснѣть за себя, странно дѣлалось всякому, сходявшемуся съ кѣмъ-нибудь изъ этихъ людей лицомъ къ лицу. Почему же ни отъ кого изъ нихъ не слышишь чего-либо даже похожаго на тѣ общія избитыя мѣста, которыя повальнымъ хоромъ тогдашней учености и журналистики выдавались за альфу и омегу ихъ вѣроученія? И, напротивъ того, не премѣнно, съ первыхъ же словъ и съ первой встрѣчи, слышишь отъ каждаго изъ нихъ—запросъ нравственности прежде всего и во главѣ всего. Притомъ и затрогивается онъ, этотъ неумолчный запросъ, въ такихъ разнообразныхъ видахъ и по такимъ нечаяннымъ поводамъ, что другимъ еще и самой умѣстности этого запроса тутъ бы и не примѣтить.

Разъ вечеромъ свелъ меня Константинъ Сергѣевичъ въ свой кабинетъ для прочтенія одной статьи. Домъ былъ на большой людной улицѣ, и окна кабинета въ нижнемъ этажѣ выходили прямо на тротуаръ. Письменный столъ, освѣщенный лампой, казалось мнѣ, долженъ былъ ярко выдаваться на улицу. Не опустить ли шторы? невольно спросилъ я. «Зачѣмъ? съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ. «Вотъ, еслибы мы сѣдѣли съ вами за бутылки или

*) Зло заманчиво.

играть въ карты—тогда другое дѣло. Но тутъ рабочій письменный столъ, тутъ сидятъ за книгами и тетрадами. Не вижу никакой надобности завѣшиваться отъ людей. Пройдетъ мимо какой-нибудь студентъ или другой кто, почему знать? Можетъ быть, еще это наводитъ на добро кого-нибудь изъ проходящихъ».

Одинъ разъ пришлось мнѣ просить Константина Сергѣевича удѣлить нѣсколько часовъ времени для выслушанія одной рукописи; а къ ней онъ относился и самъ съ живымъ участіемъ. Онъ назначилъ мнѣ быть на другой же день. Чтеніе началось съ ранняго утра и продолжалось часу до четвертаго. Предъ самымъ началомъ, Константинъ Сергѣевичъ оговорилъ въ домѣ, что онъ будетъ занятъ и желающихъ видѣть собственно его не принимать никого. Скоро раздался звонокъ, человекъ вошелъ въ комнату и назвалъ фамилію пріѣхавшаго. «Сказать, что я занятъ и принять не могу», отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдовалъ другой звонокъ, потомъ третій. Человекъ по прежнему входилъ съ докладомъ. «Занятъ и принять не могу», попрежнему отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Не помню послѣ котораго звонка и доклада, я, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ: почему бы не сказать въ такихъ случаяхъ общепринятаго *дома нѣтъ*? «Очень жаль, что это обще принято» съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ, «но ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ лгать не вижу надобности. Неужели не проще сказать: *не могу принять*, чѣмъ *нѣтъ дома*? Тѣмъ болѣе, что еслибы кому-нибудь встрѣтилась теперь дѣйствительная необходимость меня видѣть, мнѣ было бы даже совѣстно лишить его этой возможности, да еще и солгавъ предъ нимъ. Но вотъ, вы сами видите, насъ никто и не беспокоитъ. Мнѣ кажется даже, что, привыкнувъ къ моему обычаю, то-есть къ тому, что я не отказываю фразой *дома нѣтъ*, сами посѣтители тяготеютъ теперь настаивать на непремѣнномъ свиданіи, а это бываетъ при живомъ отвѣтѣ *нѣтъ дома*.» Было и еще нѣсколько звонковъ. Послѣ одного изъ нихъ человекъ доложилъ фамилію одного изъ профессоровъ Московскаго университета, оговоривъ, что просятъ непремѣнно принять хоть минуты на двѣ. Константинъ Сергѣевичъ, извинясь за перерывъ чтенія, вышелъ къ этому посѣтителю, и даже менѣе чѣмъ чрезъ двѣ минуты возвратился назадъ. «Вотъ видите-ли», сказалъ онъ сіяющій, «мы и опять свободны продолжать чтеніе; такой маленькій перерывъ почти и не помѣшалъ намъ. А я радъ, что не отказалъ въ приѣмъ: профессоръ хлопочетъ объ одномъ бѣдномъ студентѣ, дѣло идетъ объ его опредѣленіи, а оно и вовсе не состоялось бы, еслибы я не далъ сейчасъ себя видѣть; теперь же дѣло кончено, и молодой человекъ устроенъ. И, повѣрьте мнѣ, люди чутки къ прав-

дѣ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Откажи я ему подѣ предлогу, что меня дома нѣтъ и потомъ выйди къ нему по его усиленной просьбѣ, онъ продержалъ бы меня гораздо долѣе, чѣмъ теперь, когда ему сразу сказали, что я дома, но занятъ».

Мнѣ припоминается разсказъ очевидца о диспутѣ Константина Сергѣевича при его магистерской диссертаци: «*Ломоносовъ*». Это разсказъ О. М. Дѣва, который въ шестидесятыхъ годахъ и самъ занималъ кафедру въ Московскомъ университетѣ, а тогда лишь готовился къ тому и былъ наканунѣ своей собственной магистерской диссертаци. На всѣ возраженія—разсказывалъ этотъ очевидецъ—Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ живо и ничего не уступалъ изъ собственныхъ тезисовъ. Но послѣ одного сдѣланнаго ему замѣчанія, магистрантъ вдругъ воскликнулъ: ахъ, какое дѣльное возраженіе! и это съ такой дѣтской искренностью и съ такимъ невольнымъ движеніемъ руки, поднесенной къ волосамъ, что вся аудиторія разразилась смѣхомъ. Ясно было, что не личное самолюбіе, а самый предметъ спора занималъ диспутанта.

Приходилось часто слышать Константину Сергѣевичу даже отъ своихъ друзей, что, съ своимъ собственнымъ прямодушіемъ, онъ слишкомъ довѣрчивъ къ прямодушію и всѣхъ другихъ,—*«ловится на одну и ту же удочку»* по одному памяtnому для меня отзыву. Приведу кстати и самый анекдотъ, напомнившій мнѣ этотъ отзывъ. Тѣмъ болѣе уместно будетъ здѣсь это маленькое отступленіе, что выступаетъ въ разсказѣ самъ авторъ «Семейной Хроникѣ», старикъ Сергѣй Тимоѣевичъ, отецъ Константина Аксакова; а они всегда были вмѣстѣ, рѣдко можно было видѣть одного безъ другаго и, по крайней мѣрѣ, въ моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ—они всегда неразлучны и всегда встаютъ слитно. За хлѣбосольнымъ столомъ С. Т. Аксакова, кромѣ многочисленной семьи, обѣдывало обыкновенно много и знакомыхъ. Не вдругъ расходились и разѣзжались послѣ обѣда; всѣ располагались частью въ гостиной, частью въ залѣ или еще въ другой сборной комнатѣ возлѣ столовой. За кофеемъ продолжалась бесѣда; длилось своего рода *far-niente*, и вдругъ иногда на двѣ на три минуты импровизировались тутъ какія-нибудь «маленькія игры». Старикъ—и тогда уже неразлучный съ большимъ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, но еще бодрый, живой и не страдавшій своимъ послѣднимъ мучительнымъ недугомъ—также не уходилъ къ себѣ, а оставался гдѣ-нибудь тутъ же курить свою трубку. (Правильнѣе сказать, это была не трубка, а длинный черешневый чубукъ съ янтарнымъ мунштукомъ и съ металлическимъ наконечникомъ—совсѣмъ какъ быть трубкѣ,

только не табакъ крошился туда, а вставлялась сигара). Между вечером и свѣтомъ, разъ въ такое именно *far-niente*, стали *«играть въ мнѣнія»*. Игра, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ присутствующихъ удаляется изъ круга; на маленькихъ билетикахъ, тутъ же десятками нарѣзанныхъ изъ листа бумаги, всякій пшеть объ немъ какое-нибудь «мнѣніе»; послѣ того какъ всѣ напишутъ свое—сго при зываютъ. Тогда одинъ за другимъ вынимаются билетики по очереди и прочитываются вслухъ; слушатель долженъ угадать хоть одно изъ нихъ: кто про него написалъ чтò? Вотъ одинъ и удалился изъ нашего круга; по возвращеніи онъ выслушалъ себѣ: «иронистъ!.. вовсе не занятъ собой!.. имѣеть видъ утомленнаго!.. для всѣхъ, кто его не знаетъ, кажется онъ холоднымъ эгоистомъ, а для всѣхъ кто его знаетъ—глубоко-любящимъ человекомъ, и вся его бѣда въ томъ, что очень немногіе его знаютъ» и пр. и пр. Слушатель такихъ комплиментовъ себѣ (или пожалуй критикъ) угадалъ, наконецъ, одно изъ *«мнѣній»*; теперь пришла очередь выдти изъ круга самому Константину Сергѣевичу. «Кто, кто ушелъ,—Константинъ, да? Объ немъ собираютъ мнѣнія?» спросилъ вдругъ старикъ, казалось уже дремавшій въ уголкѣ со своею трубкой. «Дайте и я напишу объ немъ свое мнѣніе». Тутъ же на одномъ изъ билетиковъ Сергѣй Тимофеевичъ быстро черкнулъ карандашемъ, сложилъ какъ всѣ прочіе и опустилъ въ общую урну. Когда наконецъ всѣ билетики были собраны, и Константинъ Сергѣевичъ возвратился въ нашъ кругъ отгадывать, кто изъ насъ чтò написалъ объ немъ—нельзя было на него смотрѣть безъ сдержаннаго смѣха. Точно не въ шутку тутъ объ немъ шло дѣло! Съ какою-то неподдѣльной серьезностью выслушивалъ онъ чтеніе билетиковъ, съ какою-то еще дѣтской лукавостью обводилъ всѣхъ присутствующихъ, чтò называется, выгупленными глазами. И вдругъ мгновенно... какъ только прочитали на одномъ билетикѣ: *ловится на одну и туже удочку...* съ быстротою молніи указалъ на своего отца, окликнувъ еще его ласковымъ дружескимъ именемъ, какимъ привыкъ его называть съ дѣтства, какъ только начиналъ лепетать его языкъ, и которымъ уже не переставалъ называть его и по конецъ жизни, особенно въ кругу близкихъ. Взрывомъ дружнаго веселаго смѣха такъ тогда и кончилась игра, задуманная нами въ часъ между вечера и свѣта. Эта, если можно такъ выразиться, взаимная мѣткость и отгадчика и загадавшаго загадку донѣльзя всѣхъ разсмѣшила. *«Ловится на одну и туже удочку»*—съ тѣхъ поръ часто приходилось это выслушивать Константину Сергѣевичу при разныхъ случаяхъ.

Зашелъ какъ-то разговоръ объ одномъ, не совсѣмъ обыкновенномъ студентѣ. Кончивъ курсъ на филологическомъ отдѣленіи, онъ

заявилъ о своемъ желаніи поступить еще на медицинскій факультетъ. Это несказанно обрадовало Константина Сергѣевича, онъ расточался въ похвалахъ молодому человѣку и ставилъ его въ примѣръ истинной любви къ наукѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ выразилъ сомнѣніе на этотъ счетъ и объяснялъ дѣло гораздо проще: студентамъ такого рода, утверждалъ онъ, предоставлены разныя выгоды и льготы; кромѣ того, выдаются очень хорошія стипендіи; это будто и побуждаетъ иногда, по окончаніи одного факультета, переходить еще на другой.—«Я, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны не думаю такъ», отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ весьма серьезно: «добрымъ хорошимъ дѣламъ всегда будетъ вѣрнѣе приписывать и доброе хорошее побужденіе».

Этотъ маленькій случай невольно напоминаетъ ту восторженность, съ какою онъ говорилъ о великихъ историческихъ дѣлахъ, совершенныхъ по чистѣйшимъ чловѣческимъ побужденіямъ—и то негодованіе, съ какимъ онъ относился, когда тѣже великія дѣянія извращали на изнанку. Французскаго народа онъ не любилъ. «Это бѣднѣйшій языкъ, это ничтожнѣйшій народъ. Его буржуазный *bon sens* только посредственности по плечу», и едва нападалъ онъ на эту тему, каждый разъ не могъ не повторить вѣчно одного и того же.—«Іоанна Даркъ—вотъ единственная личность въ цѣлой Французской исторіи, передъ которой нельзя не благоговѣть, передъ которой чловѣчество и благоговѣть. И что же сдѣлала Франція со своей героиней? Она не только выдала ее своими руками на костеръ смертельнымъ врагамъ, но еще въ лицѣ своего національнѣйшаго поэта или по крайней мѣрѣ писателя, втоптала ее въ грязь и кощунственно насмѣялась надъ нею. Ибо если и можно кого-либо изъ Французскихъ писателей назвать выразителемъ своего народа, то конечно Вольтера». И непремѣнно, вслѣдъ затѣмъ, переходилъ онъ къ Іоаннѣ Даркъ Шиллера и восторженно декламировалъ его апоѳеозу этой героини и проклятія низкой природѣ грязныхъ людей, имъ-же свойственно чернить все великое и святое. Какъ хорошо звучали въ его устахъ эти благородныя строфы:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen,
 Und das Erhab'ne in den Staub zu zieh'n;
 Doch fürchte nicht! Es giebt noch schöne Herzen,
 Die für das Hohe, Herrliche entglüh'n.

— «Чужой народъ воздалъ честь и отдалъ справедливость этой свѣтлой личности», уже съ энтузізмомъ говорилъ Константинъ Сергѣевичъ, «потому что онъ былъ способенъ оцѣнить ея высоту. То, что

Нѣмцы зовуть *etwas Ernstes*—вотъ чего именно не достаетъ цѣлой Французской націи».

Шиллеръ былъ любимѣйшій поэтъ Константина Сергѣевича; именно нравственный, душу возвышающій элементъ его поэзіи онъ цѣнилъ высоко. Свою предпочтительную любовь къ Шиллеру онъ запечатлѣлъ множествомъ переводовъ изъ этого поэта (они и были въ свое время напечатаны) и любилъ часто произносить наизусть его стихи. А въ свое путешествіе по Германіи, онъ посѣтилъ всѣ города, и въ нихъ всѣ дома, отмѣченные присутствіемъ Шиллера.

Я вообще не могу припомнить бесѣды Константина Сергѣевича, чтобы она не была оживлена въ тоже время цѣлымъ потокомъ стиховъ изъ его любимѣйшихъ поэтовъ или и собственныхъ импровизаций. При этомъ какое-то постоянное тѣлесное и душевное здоровье, какое-то непрестанное веселіе духа и бодрость живаго сердца отражались на его несказанно-добромъ и какъ бы ребячески улыбающемся лицѣ. Широкій интересъ науки и особенно Русской исторіи, интересъ художественный, однимъ словомъ интеллектуальный интересъ, притомъ съ вѣчнымъ и неумолимымъ запросомъ нравственнаго интереса въ основѣ и во главѣ всего—это была его сфера, его стихія.

Впрочемъ, само время, когда воспитывался и складывался литературный характеръ Константина Сергѣевича, тридцатые годы, было именно тѣмъ временемъ, когда все мыслящее общество жило у насъ почти исключительно художественно-литературнымъ интересомъ. Къ тому же, домъ автора «Семейной Хроники», его отца, славился искони какъ своего рода центръ, гдѣ сходились лучшія писательскія силы,—въ такой средѣ какъ было и не сложиться литературному характеру? Это время заслонено теперь отъ насъ бурнымъ періодомъ социальныхъ реформъ; наша современность кишитъ экономическими и политическими вопросами; тотъ почти исключительно художественный и литературный періодъ, своего рода *золотой вѣкъ* въ жизни Московскаго общества, еще ждетъ своего лѣтописателя.

Н. И. Костомаровъ, въ своей извѣстной рѣчи «объ историческихъ трудахъ по Русской исторіи К. С. Аксакова», сдѣлалъ чрезвычайно вѣрную замѣтку. Отношеніе и любовь Константина Сергѣевича къ Русской исторіи были совершенно своеобразныя, говорить онъ, и вотъ это-то «*своеобразіе*» давало ему возможность разгадывать многія стороны и явленія Русской жизни, недоступныя для другихъ. Этотъ своеобразный Аксаковскій взглядъ г. Костомаровъ зоветъ еще и «*своенароднымъ*».

Въ чемъ заключалось такое «своеобразіе» Константина Сергѣевича—на это и долженъ дать по возможности отвѣтъ всякій, пишущій объ немъ свои воспоминанія.

Начать съ того, что онъ любилъ Русскую деревню, росъ въ ней, и весь сельскій бытъ былъ ему свой. Въ какой мѣрѣ кабинетный ученый (этотъ, выросшій среди казенныхъ школъ, отвлеченно-культурный космополитъ) долженъ превратно судить о Русскомъ языкѣ, о Русскомъ народѣ и вообще о Русской исторіи: тому, къ сожалѣнію, въ нашей ученой литературѣ слишкомъ много примѣровъ. Напротивъ, кому сельскій народный бытъ знакомъ отъ пеленокъ; кто вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ всасывалъ неувимыя и неизслѣдимыя вліянія народности прежде чѣмъ объ ней даже думать; кто съ дѣтства напивался родными впечатлѣніями своего собственного народа отъ всей окружавшей его дѣйствительности—тому съ дѣтства же доступенъ бытъ и языкъ этого народа по живому откровенію непосредственнаго чувства, и данъ ключъ къ разумѣнію его.

Константинъ Сергѣевичъ, которому Итальянскіе виды не замѣняли картинъ родной природы, которому колыбельный романсъ Французской или Нѣмецкой бонны не замѣнялъ Русской колыбельной пѣсни и которому ни одинъ иноземный языкъ (при всемъ ихъ знаніи) не замѣнилъ родной рѣчи, Константинъ Сергѣевичъ былъ особенно счастливъ тѣмъ, что родился и воспитался въ совершенно-Русской семьѣ, въ Русскомъ домѣ и получилъ прямо-Русское образованіе. А это составляетъ большую рѣдкость еще и въ наши дни. Когда онъ поступилъ въ Московскій университетъ, его умъ и сердце, не изсушенные въ четырехъ стѣнахъ казеннаго заведенія для покорнаго и машинальнаго воспріятія какихъ угодно, хотя бы и чуждыхъ ученій, вовсе не были бѣлымъ листомъ бумаги, на которомъ пиши что угодно. Нѣтъ! Ужъ тамъ крѣпко засѣло свое. Университетская наука только укрѣпила сознательно въ немъ все то, чтѣ прежде было лишь его непосредственнымъ чувствомъ; всю жизнь онъ и остался ему вѣренъ до конца.

Не страдай наше общество еще и теперь, а особенно тогда, своимъ извѣстнымъ историческимъ недугомъ «раздвоенія», или прямо сказать расколомъ; не будь въ немъ продолжающагося и теперь, а тогда еще сильнѣйшаго разрыва съ народомъ: конечно и представитель «Русскаго народнаго направленія въ жизни и Русскаго народнаго воззрѣнія въ наукѣ» былъ бы избавленъ отъ горькой доли отыскивать свои идеалы лишь въ прошломъ, а если въ современности, то исключительно въ одномъ простонародьи. Но въ тогдашнее время, при полномъ разрывѣ верхнихъ классовъ съ народомъ (не забудемъ существовавшаго крѣпостнаго права) и при всеобщемъ антагонизмѣ «публики и народа» такая односторонность составляла у насъ роковую

неизбѣжность. Въ этой невольной односторонности заключалась своего рода «идіосинкрасія» Славянофиловъ всѣхъ вообще, а Константина Аксакова по преимуществу. Такъ какъ тогдашнее общество было въ разрывѣ съ народомъ, то приходилось еще, любя народъ, быть какъ бы въ разрывѣ съ тогдашнимъ обществомъ. Это понятно.

Сочувствуя Русской сельской природѣ, а не общепризнаннымъ живописностямъ въ родѣ береговъ Рейна; Русскому сѣрому осеннему деньку (которые такъ любилъ Пушкинъ, замѣтимъ въ скобкахъ), а не непременно безоблачной синевѣ Каstellамаре; чуждаясь идеаловъ Байроновской поэзіи или Жоржъ-Зандовскаго романтизма; любя все свое и живя своимъ роднымъ, естественно было находиться въ разрывѣ съ тѣмъ полу-Русскимъ обществомъ, гдѣ царили—вверху: отвлеченно-культурный космополитизмъ, возведенный въ принципъ и систему, а подъ самымъ верхомъ: смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ. Чтѣ это было за общество тогда? Оно иначе не лепетало какъ по французски; не признавало иныхъ красотъ природы кромѣ утопанныхъ модными ботинками береговъ Рейна; оно бредило иноземными идеалами; а все свое, въ которомъ впрочемъ ничего и не смыслило, считало за что-то отреченное и въ собственномъ смыслѣ за *mauvais genre*. Все это уже кажется пошлымъ въ наши дни; но не надо забывать, что именно эта пошлость господствовала въ полной силѣ въ тѣ времена, которыя совпадали съ юношествомъ Константина Сергѣевича.

Безспорно, было бы непростительною односторонностью утверждать, что единственно лишь въ простомъ народѣ, прямо только въ Русскомъ крестьянствѣ, заключаются перлы человечества; но безспорно и то, что симпатіи Русскаго человѣка, для котораго современное общество представляло жалкую смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ, должны были обратиться именно на эту среду. Именно здѣсь, хотя и въ грубомъ, убогомъ видѣ, онъ наконецъ угадывалъ свои собственные идеалы, и весь бытъ и строй признавалъ роднымъ и близкимъ себѣ, а не заимствованнымъ отъ Нѣмцевъ. Это преимущественное поклоненіе крестьянству, прозрѣніе Русскихъ вселенскихъ началъ какъ бы воплощенными исключительно и наиболѣе лишь въ образѣ сельскаго мірянина (этого «*всечеловѣка*», по позднѣйшему выраженію Достоевскаго) составляли въ своемъ родѣ увлеченіе Константина Сергѣевича или, какъ мы выразились, идіосинкрасію его. Онъ охотно признавался, что самъ Ломоносовъ, герой его магистерской диссертации, тѣмъ особенно и дорожъ ему, что вышелъ изъ нѣдръ народа, изъ крестьянства. Сельское мірское устройство, житье села міромъ, собор-

ное начало свободного народа и живой союзъ всѣхъ меньшихъ міровъ въ одинъ великій міръ цѣлаго Русскаго народа, при чемъ самъ онъ себя и не зоветъ иначе, какъ только «православнымъ христианствомъ»—вотъ что было дорого и завѣтно для Константина Сергѣевича въ его симпатіяхъ къ коренному Русскому населенію и чѣмъ онъ наиболѣе дорожилъ, вполнѣ сознательно, въ его бытѣ. Такой бытъ, прямо сказать, неотдѣлимый отъ быта самой Божьей церкви на землѣ, былъ ему *свой*. Это же и есть бытъ Русскій, преимущественно Русскій, не искаженный и не затемненный никакимъ, чуждымъ Славянскому духу, идеаломъ. Многіе ли способны понимать его еще и въ наши дни? На мѣсто вселенскаго духа, искони свойственнаго Русскому народу, его лжеподобіе, безнародный духъ космополитизма и сокрупленіе коренныхъ основъ Русской народности, не почитаются ли еще и въ наши дни верхомъ не только свѣтской, а даже и государственной мудрости?

Про вѣру Константина Сергѣевича, про его живое чувство своей принадлежности къ церкви—можно вообще сказать тоже самое, что было сказано Ю. О. Самаринимъ относительно Хомякова. «Онъ живетъ не *при* церкви и не *съ* церковью, а онъ живетъ *въ* самой церкви». Это почти тоже, что говорить и самъ Константинъ Сергѣевичъ по поводу житія не *при* народѣ, а *въ самомъ народѣ*. Любя народѣ, естественно онъ глубже другихъ чувствовалъ и всю фальшь нашихъ мнимыхъ «народолюбцевъ». Это тѣ, когда-то бывшіе въ модѣ, лживые гуманисты, которые взирали на Русскій народѣ съ торцевой мостовой Невскаго проспекта въ *rinse-nez* на носу, и имъ чудились о Русскихъ крестьянахъ и крестьянкахъ небывалыя страданія; а страданіе настоящее—полное отчужденіе отъ нихъ самихъ этихъ господъ народолюбцевъ—даже не примѣчалось. Онъ мѣтко заклеилъ такихъ гуманистовъ извѣстнымъ стихомъ: *страдать не съ ними, а за нихъ*. Онъ страдалъ и радовался за одно съ народомъ, ибо, прямо сказать, жилъ въ народѣ. При нормальномъ развитіи общества, это и составляло бы совершенно нормальное явленіе; вина ужъ не его, а именно самаго общества, если все такое казалось эксцентрическимъ. Возвращеніе къ родному быту и къ кореннымъ Русскимъ началамъ, дѣйствительно, составляетъ для всѣхъ насъ нѣкоторый подвигъ самосознанія; это еще не дается намъ непосредственно. Въ Константинѣ Сергѣевичѣ это чувствовалось весьма живо. Если онъ одѣвался порусски, предпочитая кафтанъ и мурмолку фраку и цилиндру; если рано вставалъ къ заутрени, а не спалъ какъ Онягиня «утро въ полночь обратя», конечно, онъ это дѣлалъ отъ души и вполнѣ сердечно; но въ этомъ еще

заклучалось и требованіе его ума. Все такое освѣщалось у него еще и сознаніемъ: *ничѣмъ не рознится отъ своего народа*. Заговаривали ли съ нимъ о соблюденіи или несоблюденіи постовъ, о посѣщеніи или непосѣщеніи церковныхъ службъ—онъ поражалъ всякаго особеннымъ глубокомысліемъ и свободомысліемъ на этотъ счетъ; но самъ попадалъ къ обѣднѣ или къ заутрени не только по однимъ годовымъ праздникамъ и соблюдалъ посты, кромѣ установленныхъ въ разное время года, еще и по Середамъ и по Пятницамъ. И это столько же по живому чувству своей принадлежности къ родной церкви, которой былъ преданъ всѣмъ сердцемъ, сколько еще именно по требованію своего ума: *ничѣмъ не рознится отъ народа*.

Прибавить надо къ тому, что тогда господствовало въ полной силѣ, уже покосившись съ своего апогея, крѣпостное право. Нѣкоторое *prédilection* въ пользу крестьянъ просто входило въ моду. Заигрывать на этой стрункѣ составляло уже излюбленную тему всѣхъ Русскихъ людей, почитавшихъ себя либералами и передовыми. Хотя эти своеобразные либералы не брезгали даже до послѣднихъ дней заводиться «крѣпостными метрессами», или продавать «населенія» имѣнія съ молотка для жительства за границей, или спаивать народъ, устраивая для него кабаки и занимаясь винокурениемъ или даже откупамъ,—они громче всѣхъ начинали кричать о «горькой Русской долишкѣ» и уже плодили нѣкоторый фальшивый сентиментализмъ въ пользу «низшей братіи» и «сліянія сословій». Пусть въ Славянофильскомъ тогдашнемъ увлеченіи Русскимъ крестьяниномъ и было, пожалуй, какое-нибудь преувеличеніе,—во сколько же разъ оно возвышеннѣе и чище въ своемъ источникѣ, а главное и справедливѣе въ корнѣ, въ существѣ дѣла—противъ всей этой сентиментальной фальши нашихъ «западниковъ», начавшейся еще съ сороковыхъ годовъ и процвѣтшей окончательно пышнымъ цвѣтомъ въ шестидесятыхъ!

Нечего и говорить, что крѣпостное право было противно Константину Сергѣевичу. Онъ же, какъ дѣйствительный историкъ, хорошо зналъ, что это — цвѣтокъ новой Россіи, послѣ-реформенной. Известно, что за долго до эмансипаціи крестьянъ, какъ лично со стороны Константина Сергѣевича, такъ и со стороны многихъ единомышленниковъ этого кружка, составлялись и ученые изысканія, и записки для представленія правительству объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи.

II.

Поудить вмѣстѣ съ авторомъ «*Записокъ объ уженьѣ*» у него въ подмосковной, посѣтить то самое Абрамцево, гдѣ написаны эти Записки, потомъ и «Записки ружейнаго охотника» и «Семейная Хроника»,—давно мнѣ этого хотѣлось.

Въ тотъ годъ Константинъ Сергѣевичъ издавалъ «*Молву*»—еже-недѣльный листокъ, выходившій по Субботамъ. Проводя лѣто съ отцемъ въ Абрамцевѣ, онъ каждую недѣлю передъ выпускомъ нумера прїѣзжалъ въ городъ; у меня и было условлено, что я соберусь въ Абрамцево съ нимъ. Но юноша едва кончившій университетскій курсъ—какимъ я былъ тогда—не могъ располагать своимъ временемъ вполне свободно. Проводя лѣто въ деревнѣ же, но въ другой губерніи, я только изрѣдка попадалъ въ Москву, и задуманная поѣздка все не удавалась. Наконецъ, одинъ разъ мнѣ посчастливилось. Дѣло, за которымъ я прїѣхалъ, было кончено; нѣсколько дней впереди оставались въ полномъ моемъ распоряженіи; къ тому же отъ кого-то изъ знакомыхъ я узналъ еще съ утра, что Константинъ Сергѣевичъ въ Москвѣ, остановился тамъ-то, и вечеромъ опять уѣзжаетъ въ Абрамцево. Больше я не захотѣлъ откладывать.

..«Какъ это вы меня здѣсь разыскали!».. удивился онъ моему нежданному появленію, скорѣй вырвалъ толстую сигару изъ зубовъ и, по своему обыкновенію, привѣтствовалъ троекратнымъ Русскимъ поцѣлуемъ.

— Но я еще съ тѣмъ, чтобъ ѣхать съ вами въ Абрамцево.

Ахнулъ Константинъ Сергѣевичъ и опять прижалъ къ своей груди. Я всегда дивился какъ онъ сильно и крѣпко обнимаетъ, а если руку жметъ, точно оторвать хочетъ. «Какъ я радъ, что ваше давнишнее обѣщаніе и мнѣ и батюшкѣ вы рѣшили, наконецъ, привести въ исполненіе. Очень радъ, но...» и вдругъ замолчалъ, а на его лицѣ змѣилась дѣтски-лукавая улыбка.

Ясно, что не нездоровье въ домѣ или что нибудь серіозное смущало его за нашу поѣздку; но что именно, я не понималъ.

«Вотъ подите! Надо же было такъ случиться!» продолжалъ онъ ужъ съ истиннымъ горемъ. «Каждый разъ прїѣзжалъ я—а ѣзжу аккуратно всякую недѣлю—въ фаэтонѣ; и такъ удобно и покойно было бы вамъ доѣхать со мною. Какъ нарочно нынѣшній разъ». И опять смолкъ, а та улыбка уже во всю ширь заиграла на его лицѣ. Именно такъ смѣются дѣти, уличаемыя сотый разъ въ одной и той же шалости.

Я наконецъ спросилъ: что же такое? «Я на простой телѣгѣ прїѣхалъ!» совсѣмъ досказалъ онъ свою уличенную шалость.

Для меня въ томъ не было помѣхи; я прямо и высказалъ ему это. «Нѣтъ!» отговаривалъ онъ очень серьезно. «Отложимъ-те до другаго раза. Я понимаю, нынѣшняя избалованная, извѣженная молодежь—не виню васъ лично, а говорю вообще про современную молодежь—даже не вынесетъ варварской тряски. Притомъ, смотрите какая погода! Дождикъ кругомъ».

Я сослался наконецъ на то, что я охотникъ; молъ, нашему брату мало ли приходится мокнуть подъ дождемъ и трястись на телѣгѣ по пнямъ да по болотамъ! Это послѣднее, повидимому, его совершенно убѣдило.

«Ну, очень радъ, когда такъ!» и мы ударили по рукамъ. Навечеръ было условлено сойтись въ типографіи Семѣна, гдѣ печаталась его «Молва», прямо оттуда сѣсть и ѣхать. «Только смотрите же» сказалъ онъ ужъ въ дверяхъ на прощаньи, «я впередъ говорю: я слагаю съ себя всякую отвѣтственность».

Это послѣднее было сказано такъ серьезно, что я даже разсмѣялся. Но вечеромъ, трясясь по грязной мостовой безконечныхъ улицъ, тускло освѣщенныхъ масляными фонарями, приходилось дѣйствительно сознаться, что прогулка задумана не совсѣмъ впору. Хотя были первыя числа Іюля—на дворѣ стояла ни дать ни взять осень; моросилъ мелкій дождь, и все небо заволокло тучами: просвѣта ни отгуда. Подѣхавъ къ типографіи Семѣна, я уже засталъ тамъ злополучную вишневницу, смутившую Константина Сергѣевича за нашу поѣздку. Грузная, полновѣсная, огромная телѣга, запряженная парой доброѣзжихъ коней, стояла на мостовой у самаго крыльца. Деревенскій кучеръ мокнулъ подъ дождемъ, распустивъ надъ собою большущій зонтикъ. Вся типографія множествомъ лампъ ярко сіяла на улицу; всѣ ея окна были растворены настежъ. Я уже видѣлъ тамъ веселое, живое лицо Константина Сергѣевича, и до меня доносился его громкій, бодрый смѣхъ. Онъ сидѣлъ подъ самымъ окномъ съ сигарой во рту и, пуская цѣлые клубы дыма, маралъ корректурные листы, спѣшилъ послѣдними распоряженіями на счетъ исходящаго нумера «Молвы». Едва завидѣлъ меня, и ужъ сталъ прощаться съ почтеннымъ хозяиномъ любимой типографіи, потомъ и со всею типографскою братіей, представленной собственно къ его газетѣ; они провожали его до дверей.

Мы стали усаживаться. Кучеръ передалъ ему тотъ большущій зонтикъ, а онъ силою вручилъ его мнѣ. «Ха-ха-ха!..» смѣялся онъ истинно-ребяческимъ смѣхомъ. «Я люблю дождь. А вы совсѣмъ другое дѣло».. Мы поѣхали обычнымъ путемъ Троицкихъ богомольцевъ въ

Крестовскую заставу. Сейчасъ за нею будетъ село Алексѣевское, Ростокіно, Малыя Мытищи, а тамъ и Большія. Дождь, накрывая все сильнѣе, такъ и барабанилъ по зонтигу.

«Возьмите мой аязмъ», сказалъ Константинъ Сергѣевичъ; «не слишкомъ-ли легко, гляжу, вы одѣты?» И онъ мнѣ предложилъ что-то въ родѣ плаща или бурки изъ такого, казалось, плотнаго сукна, что его не проймаютъ никакой ливень. Я, признаться, обрадовался такой великодушной уступкѣ и сейчасъ же закутался съ головы до ногъ. Самъ Константинъ Сергѣевичъ, впрочемъ, и не думалъ прибѣгать къ «азяму»; этотъ плащъ лежалъ свернутымъ на днѣ телѣги подъ сидѣйкой; только для меня онъ объ немъ и спохватился. За заставой сдѣлалось ужъ совсѣмъ темно; холодно и вѣтрено было въ полѣ.

Я вспомнилъ, что всего какой-нибудь годъ тому назадъ, по этой самой дорогѣ я совершалъ хожденіе пѣшкомъ къ Троицѣ съ толпой университетскихъ товарищей; эти путешествія тогда были въ обычаѣ у насъ. Сталъ припоминать Константинъ Сергѣевичъ и свои собственные хожденія къ Троицѣ; потомъ рассказывалъ про такія же пилигримства еще Языкова, Елагиныхъ и Кирѣевскихъ. Одинъ разъ паломники положили на весь путь уговоръ между собою: оставлять по импровизованному стихотворенію на каждой стоянкѣ. Языковъ, когда пришли въ Большія Мытищи, сказалъ свой экспромтъ на громовые колодцы.

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойпой жаждой былъ томимъ.
Боги сжалились надъ нимъ.
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла чеба спсѣва;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ влпучій
Покатился—пей Москва!

Вторая стоянка была въ селѣ Пушкинѣ. Здѣсь жила въ то время кормилица «Наслѣдника» то-есть покойнаго Царя-Освободителя. Она была отсюда родомъ. Молочный сынъ, какъ извѣстно, здѣсь, въ ея родномъ селѣ, поставилъ ей въ благодарность хорошую крестьянскую усадьбу. Ее и имѣли обыкновеніе посѣщать странники. Языковъ именно на это и сказалъ свой экспромтъ въ селѣ Пушкинѣ.

«Здѣсь въ Пушкинѣ мы посѣтили домъ» — слѣдовало описаніе той, чья грудь вскормила надежду Россіи, и все вѣнчалось заключительнымъ стихомъ:

чьи бѣлы руки
Играли будущимъ Царемъ“.

Переходя отъ одного экспромпта къ другому, Константинъ Сергѣевичъ продолжалъ уже восторженные декламации изъ всѣхъ своихъ любимѣйшихъ поэтовъ и изъ собственныхъ своихъ стихотвореній.

— «Неужели однако вы не замѣчаете дождя?» невольно прерывалъ я его импровизацію, чувствуя, что холодная струя закрадывается ко мнѣ ужъ подъ галстухъ. Самъ непромогаемый азіямъ обратился въ мокрую тряпку.

Только разсмѣялся Константинъ Сергѣевичъ! Его радовало, что самъ Оверъ, тогдашняя медицинская знаменитость, за его желѣзное здоровье прозвалъ его Печенѣгомъ. «Смолоду», говорилъ онъ, «пріучалъ я себя не быть нѣженкой, не бояться ни простуды, ни какого либо расстройства, однимъ словомъ ничего, свойственнаго нынѣшней хилой молодежи. Наконецъ, больше того: именно въ природѣ, среди ея стихій и въ борьбѣ съ ними, я себя чувствую особенно хорошо. Вѣрите ли? Сама эта тряска телѣги меня только *сбиваетъ*: крѣпнешь отъ нея. Рессорный экипажъ нѣжитъ, балуетъ; а телѣга *сбиваетъ*. Такъ и дождь, стужа, всякое неудобство, отъ нихъ только крѣпнешь». И говоря это, онъ успѣвалъ еще, какъ въ самую тихую погоду, закуривать на лету отъ спички свои сигары.

Я далъ ему замѣтить, что не налюбуюсь, какъ славно работаетъ нашъ коренникъ! Будто свою собственную честь видѣлъ добрый конь въ томъ, чтобъ торопиться не выбываясь изъ силъ: везъ добросовѣстно и благоразумно. И мнѣ было пріятно услышать въ отвѣтъ, что это конь добраго завода, выведеннаго еще прадѣдушкой Константина Сергѣевича въ степяхъ Оренбургской губерніи, а тогда Уфимскаго намѣстничества. Мнѣ невольно вспомнулись степныя стоянки при ѣздѣ *на своихъ*, описанныя въ «Семейной Хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ Годяхъ Багрова внука». Вотъ что за добрый конь везетъ меня, думалось мнѣ потомъ ужъ всю дорогу: потомокъ тѣхъ самыхъ прародителей, героевъ еще той степной ѣзды!

Была совсѣмъ ночь, когда мы стали приближаться къ Пушкину; дождь лилъ какъ изъ ведра. Константинъ Сергѣевичъ обнадеживалъ меня близкимъ ночлегомъ. Обыкновенно онъ дѣлалъ всю дорогу, почти не останавливаясь, а только выкормивъ лошадей. Теперь, нарочно для меня, предполагалось сдѣлать привалъ въ Пушкинѣ на знакомомъ постояломъ дворѣ. Хозяева ему знакомые люди и дадутъ все, что намъ нужно. Признаться, я обрадовался услышать о ночлегѣ. На мнѣ не было сухой нитки; зонтикъ давно пришлось отложить въ сторону, онъ

только пуще мочилъ своею собственной сыростью; а напитавшійся дождемъ азамъ давилъ меня пудовою тяжестью. Когда, наконецъ, мы остановились у желаннаго постоялаго двора, я насилу выбрался изъ телѣги.

Комнатка, отведенная намъ, ничѣмъ не отличалась ото всѣхъ такихъ комнатъ на всѣхъ тогдашнихъ постоялыхъ дворахъ. Два окна, въ простѣнкахъ тусклое зеркало, два стула и одинъ столъ чурбаннаго издѣлія; наконецъ, диванъ, крашенный подъ красное дерево, съ деревянною спинкой и деревянными остроугольными ручками; сидѣніе было изъ волосяной матеріи и жестко какъ кирпичъ. Въ довершеніе всего, жара и духота нестерпимыя. По сосѣдству едва-ли не приходилась кухня. По крайней мѣрѣ, печь, выдававшая здѣсь въ углу и топленная изъ другой комнаты, была накалена какъ бы въ пору только зимою въ самые Крещенскіе морозы. Но послѣ тридцати верстъ подъ холоднымъ ливнемъ я обрадовался даже и здѣшной духотѣ. Самъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ живъ и бодръ и веселъ по прежнему. Онъ распорядился, чтобъ мнѣ была принесена цѣлая кровать съ сухимъ чистымъ бѣльемъ; самъ передавалъ хозяевамъ подробныя наставленія о просушкѣ за ночь всего моего гардероба и сверхъ своего обыкновенія велѣлъ кучеру совѣмъ отпрячь лошадей на ночевку. Тутъ же предложилъ онъ мнѣ сухое легкое верхнее платье, бывшее у него среди прочаго телѣжнаго запаса, и велѣлъ подавать чай, требуя, чтобы я непременно согрѣлся у самовара. А положеніе юноши, этого бывалаго путника, похваливавшегося еще тѣмъ, что онъ-де скартъ охотникъ, а теперь синѣшнаго и дрожавшаго отъ холода, должно было казаться истинно-забавнымъ. Прежде всего, я отвелъ себѣ цѣлый особый уголокъ за печкой, чтобы только освободиться отъ груди намокшаго платья; какъ только скинулъ съ себя азамъ и пальто—цѣлое озеро воды образовалось на полу у печки; а когда сбросилъ туда же на полъ и мокрое бѣлье, брызги отъ него буквально полетѣли въ потолокъ. Не помню, какъ я заснулъ.

Отдохнувъ за ночь и обсохнувъ въ теплѣ, я проснулся въ самомъ пріятномъ настроеніи духа: не оставалось и слѣда вчерашней простуды. Я весело обглядывалъ всю комнату, золотившуюся янтарнымъ блескомъ на утреннихъ лучахъ солнца; дождикъ унялся. Но я былъ пораженъ странною картиной. Противъ моей кровати у противоположной стѣны стоялъ тотъ самый диванъ, у котораго волосяной тюфякъ былъ жестокъ-какъ кирпичъ и ручки такъ остроугольны, что объ нихъ можно было порѣзаться. Константинъ Сергѣевичъ заснулъ на немъ, какъ былъ, съ погъ до головы весь одѣтый; а голова его покоилась именно на ручкѣ дивана: никакого другаго изголовья не

было. Отъ этой злосчастной ручки у него образовался весьма изрядный рубецъ во всю щеку. Къ тому же, утренніе лучи солнца расположились именно такъ, что ударили ему прямо въ лицо. Приподнявшись на постели, я дивился. Этотъ легкій шорохъ разбудилъ его.

— «Ну, отогрѣлись-ли вы? Намъ пора и ѣхать. Дома знаютъ, что я никогда не останавливаюсь въ дорогѣ и ждутъ давно. Навѣйтесь чаю и ѣдемъ-те». Оказалось, что, устроивъ весь этотъ ночлегиъ собственно для меня, онъ не могъ, какъ это дѣлалъ обыкновенно въ теченіе краткой стоянки, все время ходить по комнатѣ или по коридору, даже не присаживаясь. Волей-неволей пришлось прилечь на диванъ. Нѣсколько разъ онъ уже просыпался и навѣдывался къ лошадямъ, готовымъ въ путь; но, не желая меня будить, прикладывался снова. Что же касается до его шрама, этого весьма сильнаго рубца во всю щеку отъ лежанья головой прямо на ручкѣ дивана, онъ только разсмѣялся добродушнѣйшимъ смѣхомъ, когда я-попросилъ его поглядѣться въ зеркало.

Кто изъ Троицкихъ богомольцевъ не помнитъ живописныхъ мѣстъ, открывавшихся путнику, когда приходилось, оставя Троицкое шоссе, сворачивать въ сторону проселкомъ къ Хотькову монастырю? Теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, мало уже кто посѣщаетъ эти мѣста. Всѣ ѣдутъ прямо къ Троицѣ; утрачивается старинный обычай, будто завѣщанный самимъ Сергіемъ, прежде чѣмъ навѣстить его обитель, поклониться гробамъ его родителей въ Хотьковѣ. Да кто и хотѣлъ бы соблюсти этотъ обычай, тому нѣтъ надобности колесить проселкомъ: самъ Хотьковъ монастырь стоитъ у полотна желѣзной дороги. Но тогда этотъ живописный путь приходилось дѣлать по неволѣ. И пѣшеходы, и проѣзжіе Троицкіе богомольцы, не доѣзжая до Троицы верстъ за двадцать, оставляли шоссе, чтобъ попасть въ Хотьково проселкомъ. Тутъ уже не прерывались березовыя рощи по крутоярамъ, и съ горы на гору помпунтно открывался широкій просторъ во всѣ стороны; зеленѣли озимыя и яровыя поля; въ изобиліи, то цѣлыми прудами, какъ бы озерами, то въ излучинѣ рѣчекъ, вездѣ блестяла вода; вся Великорусская подмосковная красота казала себя тутъ во всей роскоши и на всемъ привольи, какъ вдругъ еще открывались передъ путникомъ бѣлыя стѣны и высокіе храмы съ разноцвѣтными главами женскаго Хотькова монастыря. Теперь мы ѣхали этою самою дорогой.

И есть что-то особенное, манкое и привѣтливое въ этой благословенной мѣстности,—здѣсь самъ народъ свѣтлѣе. Удивило меня простое слово ямщика, везшаго меня одинъ разъ по здѣшнимъ оврагамъ. На мой вопросъ: спокойно ли въ ихъ сторонѣ отъ воровъ и по деревнямъ и по дорогамъ? онъ даже удивился моему вопросу. «А

Угодникъ на что?» возразилъ онъ съ живостью. «Тутъ у насъ Угодникъ. Въ нашей сторонѣ этого не слыхать». И дѣйствительно, села и веси вокругъ Троицкаго посада пребываютъ до сихъ поръ, какъ и пять вѣковъ тому назадъ, въ какомъ-то непрерывающемся живомъ общеніи съ Основателемъ славы этой мѣстности. Приуроченье подмосковной автора «Семейной Хроники» къ этому именно *мѣсту святу* связано съ особеннымъ семейнымъ воспоминаніемъ, слѣдъ котораго имъ оставленъ и въ Запискахъ. Въ дополненіяхъ къ «Семейной Хроникѣ» упоминается о томъ, какъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ, то-скуда, что его невѣстка родила не сына, а дочь, писалъ ей цѣлое особое письмо во время слѣдующей беременности: по особенному расположенію къ памяти святаго Сергія, этимъ именемъ и назвать ребенка, если родится сынъ,—указывалъ онъ ей въ своемъ письмѣ. Такимъ образомъ, внукъ Степана Михайловича, вскорѣ послѣ этого письма рожденный, и былъ вѣренъ при самомъ рожденіи покровительству преподобнаго Сергія. Не случайно, а въ связи съ этимъ именно обстоятельствомъ, авторъ «Семейной Хроники» захотѣлъ имѣть уголокъ близъ его мирной обители.

Коренникъ, выведенный еще съ завода этого Степана Михайловича, славно работалъ теперь съ горы на гору; также и добрая пристяжка не отставала отъ него. Константинъ Сергѣевичъ, видя меня совершенно оправившимся отъ вчерашней простуды, былъ и самъ еще радостиѣе обыкновеннаго: истинно-дѣтская веселость овладѣла имъ. Онъ импровизовалъ экспромты и припоминалъ любимѣйшіе стихи разныхъ поэтовъ—ужь не въ славу и не въ честь, дождя, какъ это было вчера, а на тишь да на гладь краснаго лѣтнаго дня въ Русской деревнѣ, а подъ конецъ и во славу «варварской» телѣги. «Подите! Надо же было такъ случиться!..» не могъ онъ безъ смѣха не повторить опять своего прежняго извиненія о фаэтонѣ, уже въ самомъ концѣ пути. А телѣга, какъ только мы свернули съ шоссе, и очень давала себя чувствовать проселкомъ.

Абрамцево отъ Хотькова монастыря всего въ двухъ верстахъ, если еще не менѣе. Съ нагорья открылся видъ на рѣчку Вору. Извилистая, мѣстами шириной въ два конскихъ перескока, а гдѣ отъ плотинъ и шире, рѣчка Воря, съ болотистыми берегами и безчисленными бочажками, была вся въ водяной травѣ и водяныхъ цвѣтахъ. За ея низиной ука-тывалась опять вверхъ нагорная сторона; и тамъ вверху, на горѣ, въ окруженіи еловой рощи, въ перемежку съ рѣдкимъ чернолѣсьемъ, виднѣлась просторная старинная помѣщичья усадьба,—это и цѣль нашего путешествія: Абрамцево. Я какъ сейчасъ помню весь колоритъ мѣстности за ту минуту. Низменная облака неслись какъ ту-

маны и шли дальше прослапваясь и измѣвая; синева небесъ то и дѣло ужъ прорывалась между ними, и рѣзкое освѣщеніе солнечныхъ лучей поминутно спорило съ пробѣгавшими тѣнями. Воздухъ послѣ дождя былъ напитанъ запахомъ березоваго и хвойнаго лѣса; еще и грибной духъ отъ сырой земли покалывалъ въ этомъ ароматѣ. На завтра ждалось яснаго дня. Доброѣзжая пара, страшно измученная, и телѣга вся въ грязи отъ глинистой дороги, наконецъ, остановились. Пустынный широкій дворъ, не засаженный во всю ширь ни кустомъ ни деревомъ и лишь мѣстами обнесенный перильчатой рѣшеткой, принялъ насъ на свою зеленую мураву. Наше появленіе произвело обычное оживленіе. Парадное крыльце съ навѣсомъ, точь въ точь какъ въ тысячѣ другихъ помѣщичьихъ усадебъ того времени, распахнуло передъ нами свои широкія сѣни. Деревянный, крашенный по тесу, домъ съ фасадомъ былъ предлинный и старинной стройки. Мы пріѣхали.

Едва переступали порогъ здѣшняго хлѣбосольнаго дома, и ужъ неволью по всеѣмъ мѣстамъ и примѣтамъ угадывалось тутъ мѣстопробываніе автора не только Записокъ объ уженьи или Ружейнаго охотника, но еще и «Семейной Хроники» и «Дѣтскихъ Годовъ Багрова-внучка»; а вмѣстѣ съ тѣмъ и гостепріимное пристанище Гоголя, Загоскина и многихъ другихъ лицъ, славныхъ въ Русской литературѣ. Отъ каждаго изъ нихъ, не въ одномъ такъ въ другомъ, оставалась здѣсь видимая память и сохранялись слѣды ихъ пребываній. Вотъ комната, гдѣ по долгу живалъ Гоголь, и тотъ самый диванъ, на которомъ онъ спалъ. Въ одномъ изъ растворенныхъ ящичковъ здѣшней конторки я нашелъ связку акварелей, и мнѣ кинулась въ глаза одна изъ нихъ. Это былъ портретъ въ натуральную величину съ бѣлаго гриба, найденнаго Гоголемъ. Иначе нельзя выразиться, потому что грибъ былъ переданъ во всей его оригинальной причудливости: славная, во все стороны ровная и какъ бы на токарномъ станкѣ отточенная правильная шапка; но корешокъ несоразмѣрно длинный и искривленный до какого-то чудеснаго уродства. Внизу было подписано: «бѣлый грибъ, найденный Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ» и слѣдовало означеніе года и числа. Въ Абрамцевѣ для сбора грибовъ устраивались цѣлыя поѣздки обществомъ; въ одну изъ такихъ прогулокъ Гоголь и нашелъ этотъ диковинный грибъ. Эта «Гоголевская» комната была въ верхнемъ этажѣ, свѣтлая и просторная; она помѣщалась въ сосѣдствѣ съ кабинетомъ самого Константина Сергѣевича: онъ былъ только черезъ коридоръ, куда приводила лѣстница изъ нижняго этажа вверхъ, и какъ разъ насупротивъ. Тутъ все характеристично. Константинъ Сергѣевичъ любилъ заниматься на такомъ письменномъ столѣ, удобіе котораго, дѣйствительно, и нѣтъ для пись-

менныхъ занятій; такого стола не найдешь конечно въ томъ кабинетѣ, гдѣ обыкновенно письменный столъ составляетъ лишь декорацію. Это былъ простой, можно бы сказать бѣло-липовый, столъ; его пространная площадь покрыта въ обтяжку зеленымъ сукномъ, прибитымъ со всѣхъ четырехъ сторонъ гвоздочками подъ свѣсомъ. Здѣшній письменный столъ былъ преогромный и весь заваленъ книгами, тетрадами и фолиантами. Надъ нимъ портретъ Ломоносова изъ слоновой кости— вдвойнѣ ему дорогой, во первыхъ, какъ портретъ героя его диссертации, во вторыхъ какъ мѣстное произведеніе родины Ломоносова (Архангельская губернія, какъ извѣстно, славится издѣліями изъ мамонтовой кости и моржевыхъ клыковъ,—встарину это и называлось «дорогъ рыбій зубъ»). Обратилъ на себя мое вниманіе и умывальникъ Константина Сергѣевича, имъ самимъ изобрѣтенный. Теперь вошли во всеобщее употребленіе разныя приспособленія по части домашней утвари (черта времени, послѣ того какъ перевелись *дворовые* и вообще многолюдная служба), и завелись для этого особые магазины; тогда это было въ рѣдкость. Приборъ, придуманный Константиномъ Сергѣевичемъ, былъ замысловатъ именно по простотѣ своей; любой деревенскій столяръ могъ его исполнить: механизмъ—простой голосинникъ, а резервуаръ листовое желѣзо, свернутое въ конусъ и выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Изобрѣтатель добродушнѣйшимъ образомъ показывалъ мнѣ на практикѣ все достоинство своего прибора. Нажимая подножку, отъ которой голосинникъ шелъ вверхъ и двигалъ резервуаръ, нагибая конусъ, Константинъ Сергѣевичъ съ дѣтскимъ восхищеніемъ любовался, что онъ «подастъ воды именно столько, сколько хочешь! Хочешь, онъ даетъ малую струю воды; хочешь, онъ подастъ сразу полрукомойника, совершенно какъ живой человѣкъ». Это не та мертвая Англійская машинка—да притомъ еще и очень дорого стоящая, недоступная бѣднымъ людямъ (тогда какъ эту всякій можетъ сдѣлать у себя дома), которая, хочешь не хочешь, все льетъ одну и ту же мертвую струю. Такъ добродушно хвалился изобрѣтатель.

Окна въ его половинѣ были растворены настежь. Сигарный дымъ разносился свѣжимъ воздухомъ лѣтняго и, на этотъ разъ, уже знойнаго дня. Такъ свѣтло и радостно цѣлыми полотнами свѣта красное солнце заливало здѣсь полъ, и потолокъ, и стѣны съ полками книгъ и бумагъ... Или все это только казалось такъ, потому что самъ-то Константинъ Сергѣевичъ ужъ очень былъ живъ и веселъ. Счастьемъ жизни, тѣлеснымъ и душевнымъ здоровьемъ вѣяло отъ него.

— «Я люблю его стихи!» сказалъ онъ тутъ же про одного изъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ, чьи строфы только что продекламировалъ. «Еще Платонъ опредѣлялъ поэзію безуміемъ. И такъ, по-

этическое безуміе несомнѣнно есть у него въ стихахъ. Я знаю его лично, онъ самъ почитаетъ меня однимъ изъ пріятелей своихъ. Тѣмъ съ бѣльшимъ правомъ могу сказать про него: умомъ онъ вовсе не отличается; тѣмъ лучше: значить въ его стихахъ ужъ непосредственный Божій даръ. Это-то я въ немъ и люблю». Поэтъ, о которомъ здѣсь рѣчь, живъ и сейчасъ, когда пишутся эти строки. И я дивлюсь до сихъ поръ мѣткости этого отзыва о немъ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени; иные стихотворные мастера издали цѣлые томы своихъ сочиненій, этотъ пишетъ рѣдко. Но и до сихъ поръ въ стихахъ этого именно эпигона послѣ-Пушкинской поры, всегда найдется хоть крупница того, чего напрасно ищешь въ тѣхъ томахъ. Да, именно Платоново безуміе, какъ тогда сказалъ Константинъ Сергѣевичъ, есть у него въ стихахъ.

При самомъ входѣ въ домъ, въ сѣняхъ и въ передней, я замѣтилъ вездѣ нагроможденные удилица и съ удочками и просто, и разнообразныя припасы для ужения. Я узналъ трогательный эпизодъ. Всѣ эти удочки—иначе ихъ трудно бы и отличить, онъ здѣсь считались десятками—носили имена; одну удочку звали «Леди». Почему такъ? Когда вышла въ свѣтъ книга *Записки объ уженъи*—она нашла не только читателей и почитателей, но и читательницъ и почитательницъ; авторъ получалъ тогда со всѣхъ сторонъ разныя заявленія сочувствія, въ томъ числѣ и прямо подарки удочками или чѣмъ-нибудь относящимся до рыбной ловли. Больше всего одна присылка позабавила автора. Одна изъ почитательницъ, вмѣстѣ съ сочувственнымъ письмомъ, прислала удочку или правильнѣй *лесу*, сплетенную изъ ея собственныхъ волосъ. Леса, плетенная изъ дѣвичьихъ шелковистыхъ волосъ и собственными руками поклонницы—какой же еще больше награды автору! Эта удочка и звалась «Леди».

Не прошло и часу послѣ того, какъ наша телѣга подъѣхала къ крыльцу, ужъ мы удили. Исполнилось мое страстное желаніе поудить вмѣстѣ съ авторомъ «Записокъ объ уженъи». Только что я, сидя объ руку съ нимъ, забросилъ свою удочку «Ну...» и онъ окликнулъ меня тѣмъ ласково-фамиллярнымъ именемъ, которымъ всегда называлъ—«вижу, что рыбакъ!» Такъ обратился ко мнѣ Сергѣй Тимоѣевичъ. Это значило, что я не какъ-нибудь черезъ голову забросилъ свою удочку или еще шлепнувъ по водѣ удилицемъ по обычаю неумѣлыхъ, а по охотнички: стянувъ лесу, далъ заиграть упругости самого удилица и безшумно подвелъ поплавокъ, куда надо было. «Вижу, что рыбакъ!» повторялъ онъ истинно по-охотнички и при клевѣ, и при подсѣчкѣ. На этотъ разъ впрочемъ уженъе происходило на крошечномъ пруду около самой усадьбы; тутъ брали исключительно гольцы—рыбешка не инте-

ресная для охотника. Здѣшнее уженье только тѣмъ и было дорого для старика, что по близости отъ дому можно было его производить во всякое время безъ лишнихъ сборовъ и не боясь быть застигнутымъ врасплохъ непогодою. Даже во время небольшого дождя онъ здѣсь ужиналъ подъ большимъ зонтикомъ. Скоро мы перешли на Ворю, спустившись изъ усадьбы прямо подъ гору. Пока мы только сходили внизъ усадебнымъ паркомъ, Константинъ Сергѣевичъ уже поразилъ меня «своеобычаемъ» своимъ. Старый рыбакъ Сергѣй Тимоѣевичъ, не разстававшійся ужъ въ это время, какъ и до конца жизни, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, уже согбенный лѣтами, сѣдой какъ лунь и постоянно повторявшій о себѣ при разныхъ случаяхъ, когда чувствовалъ себѣ что не по силамъ: «я старъ и хворъ» не могъ, конечно, соперничать съ нами ни въ скорости ходьбы къ мосту на Ворѣ подъ усадьбой, ни даже въ несеніи удочекъ. При немъ былъ «казачекъ»; онъ несъ его складное кресло, его удочки и разныя рыболовныя снасти; онъ же обыкновенно насаживалъ червяковъ и снималъ рыбу. Старикъ несъ только свою длинную дымившуюся трубку. Но стоило тогда взглянуть на Константина Сергѣевича! Онъ нагружилъ себя буквально цѣлымъ лѣсомъ удилицъ, одно другаго длиннѣе и тяжелѣе; кромѣ того, несъ онъ и складной стулъ и коврикъ, и множество удилицныхъ припасовъ. Я, вооруженный всего на все одною только Леди, охотно предлагалъ ему раздѣлить его ношу; но выслушалъ въ отвѣтъ опять: «не виню васъ лично, а говорю вообще про современную молодежь...» то-есть, что у меня на это и силъ не хватитъ. Я не настаивалъ, думая, что всѣ эти принадлежности онъ несетъ для себя. Каково же было мое удивленіе, когда придя на мѣсто, все это и стулъ и коврикъ и, наконецъ чуть не всѣ «сорокъ сороковъ» своихъ удочекъ онъ повергнулъ къ моимъ услугамъ! Я рѣшительно пришелъ въ ужасъ, а онъ не хотѣлъ и слышать возраженій. »Вамъ тяжело будетъ; садитесь и удите какъ вы привыкли съ комфортомъ; а я даже не люблю всѣхъ этихъ удобствъ, вѣрьте мнѣ» стоялъ онъ на своемъ. Опять нагрузившись удочками, онъ мѣнялъ мѣста; пробовалъ удить подъ самымъ мостомъ, потомъ еще за мостомъ и вездѣ удилъ стоя, не пресѣвъ ни разу. Ходилъ онъ всегда сильно и быстро, точно его кто гонитъ; трудно было поспѣвать за нимъ.

Наконецъ, собственно для меня, было устроено большое уженье съ поѣздкой въ одно изъ дальнихъ мѣстъ на Ворѣ, гдѣ стояла мельница. Тамъ мы удили въ самомъ омутѣ близъ мельничнаго колеса, съ плотины (мѣсто прославленное тѣмъ, что тутъ Константинъ Сергѣевичъ выудилъ одинъ разъ налима въ девять фунтовъ вѣсомъ) и еще въ одной тихой заводи на рѣчкѣ Ворѣ, памятной мнѣ по своей жи-

вописности. Тутъ-то я былъ свидѣтелемъ того, о чемъ такъ мѣтко сказалъ самъ о себѣ авторъ «Записокъ объ уженьѣ» по поводу страсти, не оставлявшей его и подъ старость: «Ужъ съ меньшимъ увлеченіемъ, но съ бѣльшимъ вниманіемъ». Онъ и этотъ разъ выудилъ больше противъ всѣхъ насъ, и на моихъ глазахъ мастерски подсѣкъ и вытащилъ на берегъ щуренка. На меня ужъ одинъ видъ настоящихъ рыбацкихъ мѣстъ, этой зеркальной поверхности, усѣянной лиственными травами и водяными цвѣтами дѣйствовалъ, возбуждительно. Мнѣ удалось вытащить рѣдкость тутъ, какъ мнѣ сказали, подъязника; больше клевали щуки, окунь, ершь, головли и плотва. Но всѣ эти эпизоды, памятные сами по себѣ, особенно осмысливались для меня интересомъ личности Константина Сергѣевича. Съ сигарой въ зубахъ, не спуская глазъ съ поплавокъ, онъ проводилъ цѣлые часы, стоя неподвижно какъ статуя, не присаживаясь вовсе. «Вотъ, вы меня усаживаете даже противъ воли», настаивалъ я принять отъ меня складной стулъ. «Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло!» возражалъ онъ съ живостью. «Вся нынѣшняя молодежь такъ ужъ и воспитывается въ привычкахъ ко всякому удобству. А я, напротивъ, люблю постоянно упражнять себя въ перенесеніи всякихъ лишеній; мнѣ даже весело пробовать свою силу». И опять, часъ-другой выстаивалъ онъ, какъ бронзовая статуя. «Я во всѣхъ своихъ домашнихъ привычкахъ вообще ненавижу прибѣгать къ посторонней помощи», говорилъ онъ мнѣ. «У насъ это какъ-то принято. Одѣваются-ли, умываются-ли, лечь въ постель или встать, другой и шагу не ступить безъ помощи слуги. Я не люблю и не могу этого. Случается иногда надобность встать какъ можно раньше или даже ночью; я и тутъ лучше что-нибудь сдѣлаю, или вовсе не лягу или прилягу только на минуту одѣтый или ужъ какъ-нибудь принужу себя, а только чтобы не беспокоить никого изъ людей приказомъ разбудить себя во-время. И замѣтите, какъ сильна воля въ человѣкѣ! Мнѣ никогда не случается опаздывать; я и безъ всякихъ приказовъ людямъ встаю во-время; всегда встану, какъ хотѣлъ. Также и проснувшись, цѣлый день не терплю посторонней помощи; мнѣ она не нужна. Вотъ, вы видѣли мой рукомыльникъ!» прибавилъ онъ добродушно-смѣясь. По поводу этого обычая вставать во-время безъ помощи людей, тутъ же рассказалъ онъ мнѣ очень забавный случай. «Разъ, съ вечеру у меня было рѣшено отправиться на одно большое уженье; это отъ насъ отсюда дальнее мѣсто, туда надо проходить лѣсомъ и однимъ большимъ оврагомъ. Заснувъ вечеромъ, я принялъ всѣ мѣры, чтобы встать еще ночью, какъ можно раньше; идти далеко—значить, чѣмъ раньше встать тѣмъ лучше. Вотъ и проснулся. Гляжу, чуть брезжетъ; едва видно въ комнатѣ, настоящаго

свѣта еще нѣтъ, а какъ бываетъ предъ разсвѣтомъ. Я всталъ, умылся, одѣлся, захватилъ всѣ припасы, нагрузилъ на себя удилища и вышелъ изъ дому. А дѣлается все темнѣе. Идти далеко. Что же? иду, иду; ужъ много прошелъ; а все темнѣе дѣлается. Наконецъ, отойди отъ дому ужъ полдороги, я только тутъ замѣтилъ свою ошибку. Оказалось, что это была не утренняя заря къ разсвѣту, а только вечеръ наступилъ къ ночи. Я проснулся какъ разъ въ то время, когда въ домѣ все улеглось спать. Совсѣмъ ночь захватила меня въ дорогѣ, и темная глухая ночь. Чтò было дѣлать, не вернуться же домой съ полдороги. Я и заночевалъ именно въ томъ оврагѣ. Тамъ и простоялъ все время на одномъ мѣстѣ съ удилищами на плечахъ, пока, наконецъ, начался разсвѣтъ. Чуть засвѣтилась заря; я вышелъ изъ оврага, и пошелъ дальше на мѣсто уженья». И самъ онъ добродушно смѣялся этому случаю.

Кромѣ уженья, состоялась при мнѣ поѣздка въ лѣсъ за грибами собственно для Сергѣя Тимоѣевича. Онъ дѣлилъ весь лѣтній досугъ между этими двумя охотами; то на рѣкѣ за удочкой, то въ лѣсу за грибами. Также и по взгорьямъ Вори, гдѣ росъ еловый лѣсъ Хотькова монастыря перемѣшанный съ чернолѣсьемъ, ходилъ онъ во время бранья грибовъ съ неизмѣнною длинною трубкой въ рукѣ, а на глазахъ съ зеленымъ зонтикомъ. За завтраками и обѣдами въ тѣ дни паръ дымился надъ кострюлей «духовыхъ грибовъ», и задорили аппетитъ вкусные «пирогн съ грибами», находка исключительно самого Сергѣя Тимоѣевича.

Я и не видѣлъ какъ пролетѣлъ день-другой моего здѣшняго пребыванія. Любя Русскую деревню, просторъ воды и лѣсовъ и самое уженье, нельзя было не полюбить отъ всей души здѣшній мирный уголокъ подъ Троицей. А когда прибавить къ тому хлѣбосольное гостепріимство всего здѣшняго дома и высокій личный интересъ такихъ характеровъ, какими отличались здѣшніе хозяева, то станетъ вполне понятно, почему Абрамцево въ теченіи многихъ лѣтъ и манило къ себѣ такъ многихъ. Здѣсь Гоголь съ другимъ «Украинцемъ», своимъ землякомъ М. А. Максимовичемъ проводилъ напролетъ цѣлые дни въ слушаніи у рояли своихъ любимыхъ Малороссійскихъ пѣсень. И нигдѣ еще не видѣли Гоголя, обыкновенно молчаливаго и замкнутаго къ себѣ, такимъ хохлацки-веселымъ и на распахку какъ здѣсь; самъ онъ вдругъ начиналъ подтягивать: «Нехай такъ! нехай такъ!» и притоптывалъ въ присядку. Здѣсь гащивалъ другъ и сверстникъ старика-хозяина М. Н. Загоскинъ, и множество другихъ его знакомыхъ, болѣею частью литературныхъ именъ, о которыхъ слѣдъ сохраненъ въ его запискахъ, рассказахъ и воспоминаніяхъ. Сюда же являлись и пи-

сатели сравнительно новыхъ временъ, считая какъ бы за долгъ навѣстить Сергѣя Тимоѣевича. Въ числѣ послѣднихъ Абрамцево считало своимъ гостемъ Ив. Серг. Тургенева. Слѣдъ о пребываніи здѣсь Тургенева сохранился, между прочимъ, въ одномъ позднѣйшемъ примѣчаніи къ позднѣйшему изданію «Записокъ объ уженьѣ». Рассказывая про диковинный случай, какъ у одного молодаго рыбака взявъ на удочку пискарь, а на самого пискаря тугъ же попалась щука, увязившая свои зубы въ эту импровизированную насадку и давшая себя вытащить, тогда какъ и не попала на крючекъ, авторъ дѣлаетъ отъ себя замѣтку. Я бы, говорить онъ, и не рассказалъ этого случая, похожаго на рассказы изъ книги *не любо не слушай*, еслибы не могъ сослаться на одного, всѣмъ извѣстнаго, свидѣтеля. Именно во время моего пребыванія здѣсь въ Абрамцевѣ я узналъ отъ самого автора, что тотъ «молодой рыбакъ» никто другой какъ Константинъ Сергѣевичъ, а тотъ «достоверный свидѣтель» Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Такъ обо всѣхъ посѣтителяхъ здѣшняго мирнаго уголка хранилась добрая память въ гостепріимномъ домѣ; что ни шагъ—цѣлый рой воспоминаній.

Когда я остался одинъ въ предоставленной мнѣ комнатѣ (это была именно Гоголевская комната), я не безъ особеннаго чувства осматривалъ все ея подробности. И обои на стѣнахъ, и мебель, даже брошенные тамъ и сямъ книжки, брошюры и бумаги, то въ раскрытыхъ конторкахъ, то гдѣ-нибудь прямо на столѣ, казалось, еще хранились отъ тѣхъ временъ. Малѣйшее чернильное пятнышко на столѣ, оставшееся отъ давно-брызнувшаго пера, казалось мнѣ тутъ дорогимъ слѣдомъ. А самъ этотъ, кожаный диванъ, на которомъ спалъ Гоголь, обмятый и, если такъ можно выразиться, вылежанный имъ самимъ! Я самымъ наивнымъ образомъ думалъ, что и заснуть на немъ не засну, когда вдругъ увидѣлъ и себѣ постель на томъ же мѣстѣ. Разбирая лежавшія тутъ книги и брошюры, въ одномъ мѣстѣ я тутъ нашелъ отдѣльный оттискъ, помнится, старой журнальной статьи Сергѣя Тимоѣевича о сочиненіяхъ Загоскина, написанной имъ и напечатанной на-помяну автора *Юрія Милославскаго* сейчасъ послѣ его смерти. Въ другомъ мѣстѣ я нашелъ газетные же листки, также отдѣльнымъ оттискомъ, съ рѣчью Константина Сергѣевича; по поводу юбилея М. С. Щепкина. Застольныя рѣчи въ то время были новостью; а въ царствованіе Николая Павловича и вовсе небывалымъ явленіемъ. Въ этой рѣчи Константина Сергѣевича первый разъ устно и печатно,—самъ онъ обратилъ на то мое вниманіе,—было употреблено выраженіе *общественное мнѣніе*. На юбилейномъ обѣдѣ онъ поднималъ бокаль и провозгласилъ тостъ именно за общественное мнѣніе. Но я

еще и по другому не могъ долго заснуть въ Гоголевской комнатѣ, на Гоголевскомъ диванѣ. На ночь я прочелъ новую главу: «Дѣтскихъ Годовъ Багрова внука». Эта тогда еще неизданная глава только что была приготовлена Сергѣемъ Тимоѣевичемъ для печати. Тетрадь толщиною въ мизинецъ, каллиграфически переписанная, увлекла меня далеко за полночь. Съ восхищеніемъ отдался я прелести разсказа о лицахъ, едва упомянутыхъ въ тогдашнихъ печатныхъ отрывкахъ; а тутъ они воплощались въ мельчайшихъ фамиллярныхъ подробностяхъ! Сами по себѣ выводимыя лица и весь выводимый міръ были для меня интересны; а тутъ еще удивительная художественная красота въ сочетаніи съ чисто-эпическою простотою.

Но, довольно, будетъ! Довольно уже и всего здѣсь написаннаго, чтобъ видѣть, какъ въ личныхъ воспоминаніяхъ о Константиѣ Сергѣевичѣ неотдѣлимы и воспоминанія объ его отцѣ, Сергѣѣ Тимоѣевичѣ Аксаковѣ. Оба образа встаютъ слитно, одно отъ другаго неотдѣлимо—по крайней мѣрѣ, въ моихъ собственныхъ воспоминаніяхъ. Но такова была и въ дѣйствительности необыкновенная жизнь этого необыкновеннаго человѣка. «Онъ жилъ и умеръ вмѣстѣ съ отцемъ». Въ этомъ отношеніи, это была жизнь, это была и смерть—совершенно особенныя. Нельзя бы и найти другаго такого же примѣра.

Другіе, старѣйшіе знакомые или даже сверстники Константина Сергѣевича, могутъ себѣ припоминать его въ ту цвѣтущую пору Московскаго общества — конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ—когда все оно жило исключительно литературнымъ интересомъ, и молодой Константинъ Сергѣевичъ *«съ душою прямо Геттингенской»*, съ кудрями черными до плечъ и со всегда-восторженною рѣчью—стать появляться въ Московскихъ салонахъ. Тогда онъ и одѣвался въ «сафранъ», какъ выражались его недруги, или «въ такой костюмъ, что на улицѣ народъ принималъ его за Персіянина», какъ сказалъ Герценъ. (Въ довершеніе сходства съ Ленскимъ, можетъ быть, и въ немъ тогда былъ *«духъ пылкій и довольно странный»*—этотъ еще зеленый недозрѣлый цвѣтъ положительнаго направленія Оянгинской, чисто-отрицательной эпохи. Но къ началу сороковыхъ годовъ *много воды утскло*, и многое перемѣнилось—отъ конца двадцатыхъ).

Иной образъ Константина Сергѣевича, проникнутый инымъ значеніемъ, уцѣлѣлъ въ памяти тѣхъ, кто съ нимъ сблизился уже къ концу пятидесятихъ годовъ — на рубежѣ двухъ царствованій Николая I-го и Александра II-го; а въ моихъ воспоминаніяхъ онъ встаетъ и того позднѣе. Тогда Константинъ Сергѣевичъ ходилъ какъ всѣ, въ сюртукѣ; также и прической, бородой или усами ничѣмъ не отличался отъ прочихъ. Это были годы—1857-й, 1858-й и наконецъ

роковой 1859-й, когда уже угасалъ и клонился совсѣмъ къ закату старый и хворый Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Онъ уже мучился недугомъ, сведшимъ его въ могилу. Все рѣже и рѣже занимался онъ диктовкою своихъ «Воспоминаній» или изданіемъ прежнихъ сочиненій; мучительный недугъ все болѣе и болѣе приковывалъ его къ болѣзненному одру. Влизившаяся кончина смущала его—не страхомъ смерти; объ этомъ онъ самъ мужественно говорилъ: «какъ бы кто ни прожилъ свою жизнь, а безъ страху умирать не можетъ: плоть-бо есть чело-вѣкъ!». Его смущало другое, постоянно одно и тоже безпокойство. «Бѣдный Константинъ!» говорилъ онъ. «Боюсь за него; онъ не перенесетъ». На возможные успокоенія со стороны собесѣдника, онъ возражалъ однимъ и тѣмъ-же: «нѣтъ! все это было-бы возможно при другомъ воспитаніи Константина; а онъ воспитанъ не такъ». И старикъ признавался въ своей «ошибкѣ», какъ онъ выростилъ сына. Не было у него кормилицы или няньки; онъ, самъ отецъ, принималъ его отъ материнской груди, баюкалъ на своихъ рукахъ, пеленалъ и укладывалъ въ колыбель собственными руками. «Только старѣясь—говорилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ—видишь, какъ-бы надо было воспитывать своихъ дѣтей. По мѣрѣ того, какъ растутъ дѣти, родители, думая ихъ воспитывать, еще сами воспитываются ими». Съ колыбели, все дѣтство и отрочество, и юность, и наконецъ лѣта полной возмужалости—Константинъ Сергѣевичъ провелъ въ родномъ домѣ, какъ бы даже не догадываясь о своемъ совершеннолѣтіи; онъ не хотѣлъ и слышать о томъ, что онъ уже болѣе не одинъ «отъ малыхъ сихъ», а мужчина сорока лѣтъ (онъ и скончался всего 42-хъ л. отъ роду). Это была его, уже безъ всякихъ иносказаній, идіосинкрасія; этимъ онъ и умеръ.

III.

Въ 1859-мъ г. было напечатано въ газѣтахъ: «Сегодня, въ ночь съ 29-го на 30-е Апрѣля, скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ»; а номеръ «Русской Бесѣды» вышелъ съ объявленіемъ на первой страницѣ въ траурной каймѣ: «Москва лишилась великаго художника»... Это былъ некрологъ, написанный А. С. Хомяковымъ.

Нѣ въ Москвѣ, даже не въ Московской губерніи, а смежной съ нею—въ деревнѣ съ большою каменною усадьбой, въ прекрасномъ саду надъ прудомъ, напоминавшемъ цѣлое озеро, гдѣ тогда цвѣла черемуха и яблоня, куковали кукушки и пѣли соловьи, въ самый разцвѣтъ Мая—дошло до меня роковое извѣстіе.

Въ Москвѣ, у Арбатскихъ воротъ, неподалеку отъ того розоваго двухъэтажнаго, за палисадникомъ, дома съ балкономъ и со стеклянными сѣнями, на Кисловѣ, гдѣ въ послѣднее время жилъ и скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ—въ церкви Юриса и Глѣба происходили,

отличавшіеся необыкновеннымъ многочисломъ и съѣздомъ похороны. Я не могъ быть тамъ, и съ минуты на минуту мнѣ дѣлалось тяжело, что я тамъ не былъ. Уладясь кое-какъ съ затрудненіями по дѣламъ чисто-личнымъ (правильнѣе даже сказать семейнымъ, потому что тотъ, едва окончившій курсъ юноша, посѣтившій года полтора тому назадъ Абрамцево, былъ уже человѣкъ семейный), я попалъ въ Москву на одинъ изъ первыхъ поминальныхъ дней. Мысль о Константинѣ Сергѣевичѣ — какъ онъ переноситъ свое несчастіе, здоровъ-ли и даже можно-ли будетъ его видѣть — не переставала тяготить меня всю дорогу. Раннимъ утромъ, прямо съ *перекладной*, я навѣдался къ издателю прекращенной газеты «Парусь», къ его брату Ивану Сергѣевичу, занимавшемуся тогда изданіемъ «Русской Бесѣды», переданной ему А. И. Кошелевымъ. Редакція «Русской Бесѣды» помѣщалась недалеко отъ дома, гдѣ скончался Сергѣй Тимоѣевичъ — на Большой Никитской, насупротивъ Кисловки. Какъ и слѣдовало ожидать, я услышалъ мало утѣшительнаго. Константинъ Сергѣевичъ былъ безнадеженъ; не только свои, и чужіе боялись за него. Его укоряли, что онъ не бережетъ себя, еще прямо и въ томъ, что онъ какъ бы намѣренно убиваетъ себя. Къ этому прибавляли, что онъ страшно измѣнился. Хорошо предупрежденный на этотъ счетъ, я готовился быть особенно осторожнымъ при встрѣчѣ, съ нимъ. Перебѣжавъ только улицу, ужъ я былъ на Кисловкѣ; а сдѣлавъ еще шаговъ тридцать къ знакомому дому, ужъ видѣлъ палисадникъ за перилами, большіе ворота, и изъ воротъ, въ противоположную отъ меня сторону, медленными шагами удалявшуюся фигуру. Я нагналъ вслѣдъ; медленно отходившій отъ меня обернулся... Можно-ли было узнать прежняго, бодрого душевно и тѣлесно Константина Сергѣевича? Мало сказать: онъ страшно измѣнился въ лицѣ! нѣтъ, а отъ общей исхудалости было еще что-то удлиненное и утоненное во всей фигурѣ. Пепельность бороды и усовъ, вдругъ взявшаяся просѣдь, вмѣсто прежняго ихъ цвѣта; съ ногъ до головы чрезвычайная угрюмость во всемъ видѣ; неподвижный, какой-то внутрь самого себя обращенный, самоуглубленный взоръ; и тихость, жуткая тихость, — поразили меня.

— Я иду въ церковь, сказалъ онъ; какъ служба отойдетъ — вернусь; вы меня застанете дома, я жду васъ.

— Но, Константинъ Сергѣевичъ, поберегите себя, вырвалось у меня совершенно невольно.

Тутъ-же, стоя на улицѣ, онъ отвѣчалъ очень серьезно, но тихимъ и задумчивымъ голосомъ, а не какъ бывало: «Да, меня упрекаютъ. На меня даже взводятъ обвиненіе, что я не удерживаюсь отъ горя, даю ему волю и намѣренно разстроиваю себя. Не вѣрьте этому. А я не

могу. Не вѣрьте и тому—вамъ и это будутъ рассказывать про меня— что я во что-то вдаюсь. Нѣтъ, я попрежнему свободенъ и ни во что не вдаюсь. Если теперь иду въ церковь,—вы знаете и прежде всегда ходилъ. Напротивъ, я былъ совершенно спокоенъ даже во время похоронъ, то есть ничто нервно не дѣйствовало на меня. Даже самый видъ гроба, трауръ и погребальныя свѣчи, дымъ кадилный по покойнику, все что дѣйствуетъ на нервы и разстроиваетъ самыя нервы—ничто не дѣйствовало на меня. Я облокачивался на гробъ, желая лишній разъ взглянуть на дорогое лицо, какъ на простую мебель; я поправлялъ и поворачивалъ подушку въ гробу, какъ и подушку на постели, когда за нимъ ходилъ. Я не замѣчалъ. Такъ и во всемъ».

Извѣстно, что Константинъ Сергѣевичъ, вынужденный одно время дать обязательство правительству, что будетъ брить бороду и не будетъ ходить въ Русскомъ платьѣ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ соблюдалъ эту формальность. Но въ послѣднее время, когда онъ проводилъ дни и ночи при больномъ отцѣ и буквально по цѣлымъ недѣлямъ не спалъ и не раздѣвался, карауля дыханье больнаго,—ужь не время ему было до соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Борода у него отросла, а потомъ (хотя опять-таки для соблюденія формальности) прорѣженная бритвой на подбородкѣ и двоившаяся, какъ бы продолженіе бакенбардовъ борода такъ и осталась; ея пепельная просѣдь скоро перешла совсѣмъ въ сѣдину.

Нельзя было разсудительнѣе говорить о безвыходности своего горя, какъ потомъ все время передавалъ мнѣ о себѣ Константинъ Сергѣевичъ. Слушая нельзя было утѣшать: это значило бы и себя обманывать и оскорблять его. Мнѣ казалось, что свои и чужіе еще слишкомъ много надѣются... У него прямо въ глазахъ была уже смертная отмѣтка!

Я уѣхалъ къ себѣ въ глушь, каюсь въ прежнемъ логкомысліи; мало, слишкомъ мало давалъ я значенія его горю, при всемъ томъ, что думалъ даже, не преувеличиваю ли я его. Эта роковая отмѣтка въ его глазахъ, что онъ больше не жилецъ—мучительно преслѣдовала меня. Все лѣто прожилъ я безвыѣздно въ деревнѣ, въ маленькомъ устройствѣ очень маленькихъ дѣлъ; повидать Константина Сергѣевича еще разъ въ Москвѣ не привелось. А вѣсти объ немъ и его собственныя письма приходили разъ отъ разу все мрачнѣе. Кто рассчитывалъ на время, надѣясь еще, что само время излѣчитъ—тотъ ошибся вдвойнѣ. «Время тутъ ничему не поможетъ, повѣрьте» говорилъ онъ мнѣ еще тогда въ Москвѣ, и онъ былъ правъ. Въ горести, давившей все его существо, не было ничего эффектированнаго съ самаго начала; ничего такого, что было бы связано, какъ самъ онъ говорилъ,

съ нервнымъ разстройствомъ; а лишь въ такихъ случаяхъ и помогать время. Это была, напротивъ того, скорбь усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, потому что каждый новый день приносилъ и большее разувѣреніе въ возможности будущаго и настоящаго безъ прошлаго.

Странная мысль пришла мнѣ тогда въ голову. Мнѣ казалось, что родной домъ и родная семья, окружавшіе тогда Константина Сергѣевича удвоенной заботливостью, сами по себѣ не могутъ не служить для него источникомъ глубочайшаго горя: тутъ-то все и должно было вдвойнѣ напоминать о безвозвратной потерѣ. Мнѣ казалось: его надо непременно оторвать отъ роднаго дома и куда-то перенести на время... но куда? Располагай я въ то время какимъ-нибудь Лукулловскимъ дворцомъ, или только продолжай жить въ имѣніи у матери—въ той самой усадьбѣ въ саду надъ прудомъ, напоминавшемъ цѣлое озеро, куда заглянуть давалъ мнѣ обѣщаніе Константинъ Сергѣевичъ и даже списывался объ этомъ—мнѣ не пришло бы и въ голову звать его къ себѣ въ гости: видъ всякаго семейнаго дома, гдѣ правильно-установленный бытъ течетъ ровно изо дня въ день во всякомъ благополучіи, долженъ былъ тогда болѣзненно раздражать его. Напротивъ того, какой-нибудь глухой, заброшенный уголокъ, гдѣ, по тому или другому странному капризу судьбы, жизнь выбилась бы изъ общей колеи и вдругъ сложилась на совершенно-исключительный образецъ; полное одиночество какъ въ скиту и въ то же время заботливость близкихъ, но непременно новыхъ лицъ—вотъ что, казалось мнѣ, могло бы еще, пожалуй, при его тогдашнемъ душевномъ настроеніи, благотворно подействовать на него. Но именно такую обстановку, и только такую, я и могъ ему предложить тогда. Убогая деревушка; самъ-другъ съ женой и съ груднымъ ребенкомъ у кормилицы на рукахъ; только что кое-какъ поставленный и еще недодѣланный бревенчатый домикъ въ три сруба, въ рошѣ изъ вѣковыхъ липъ и дубовъ; полное одиночество и лишь первые приступы къ той жизни, о которой сказано: «щей горшокъ да самъ большой»,—вотъ обстановка, въ которой я тогда очутился. Нашу рощу и въ ней этотъ домикъ мы сами называли *скитомъ*; но что здѣшній пріютъ былъ бы по сердцу Константину Сергѣевичу въ тогдашнихъ обстоятельствахъ—я не сомнѣвался.

Такъ какъ однако, по моему мнѣнію, это надо было сдѣлать незамѣтно для него самого, не подавъ и виду, что его намѣренно отрываютъ отъ дома,—разумѣется, я ни слова и не писалъ самому Константину Сергѣевичу о моемъ предположеніи. Письмо въ этомъ смыслѣ, о которомъ и не чаялъ, что оно попадетъ въ его руки, я направилъ въ редакцію «Русской Бесѣды», къ его брату. Я прямо оговаривалъ, что слѣдуетъ это сдѣлать незамѣтно, навести на эту мысль;

предлагалъ къ тому и средство. Мнѣ казалось естественнымъ что въ теченіе этого лѣта захочется Константину Сергѣевичу навѣстить А. С. Хомякова, жившаго тогда подъ Тулой въ своемъ Боучаровѣ. А отъ первой станціи за Серпуховомъ на Тульскомъ шоссе, отъ Малахова, приходится всего въ восьми верстахъ и та деревушка, куда я звалъ Константина Сергѣевича. Но опять-таки, и самое это предположеніе о возможности хотя сколько-нибудь облегчить состояніе Константина Сергѣевича, оказалось непростительнымъ легкомысліемъ съ моей стороны. Его страдальческая немочь за это время усилилась въ такой степени, что ни къ Хомякову онъ не думалъ ѣхать, хотя къ этому и склоняли его; ни его братъ болѣе не находилъ нужнымъ скрывать отъ него какія бы то ни было письма. Вдругъ получилъ я отвѣтъ отъ самого Константина Сергѣевича. «Любезный мой.... вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню».. Но это письмо поразило меня какъ громомъ. Кромѣ двухъ-трехъ незначительныхъ сокращеній то одной строки, то даже полустроки, чисто фамиллярнаго свойства, вотъ это его письмо, слово въ слово: «Вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню. Братъ показалъ мнѣ письмо ваше. Приглашеніе ваше такъ искренно, въ немъ сказано такое дружеское движеніе, что мнѣ захотѣлось непременно написать вамъ, и вотъ я пишу. Я всегда очень много цѣнилъ въ жизни привѣтъ, и всегда съ такою радостью на него отзывался; но привѣтъ вовсе не такъ часто встрѣчается въ жизни, какъ, можетъ быть, думаютъ. Въ вашихъ словахъ мнѣ послышался именно этотъ привѣтъ, который такъ рѣдогъ. Еслибъ это приглашеніе ваше сдѣлано было при батюшкѣ.... тогда я не проѣздомъ къ Хомякову, а нарочно бы къ вамъ поѣхалъ. Но теперь, любезнѣйшій.... все кончилось. Ни удовольствіе, ни радость жизни для меня существовать не могутъ. Однимъ словомъ, жизнь кончилась—жизнь, какъ моя. Я здѣсь еще, подъ условіями этой жизни; но это не *моя* жизнь. Все доброе, все хорошее въ другихъ—я чувствую; отзываюсь на это, какъ и на ваше приглашеніе,—и только. Еслибъ вы предлагали мнѣ какое-нибудь удовольствіе, мнѣ было (бъ) приятно видѣть ваше желаніе, а отъ самаго удовольствія я бы отказался, потому что его нѣтъ для меня. Такъ и теперь вы все сдѣлали, пригласивъ меня, и дали мнѣ все, что я могу теперь принять. Прежде для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ ловидаться съ вами *у васъ*.... взглянуть на юную семью въ обстановкѣ природы со всею ея непостижимой красотою, которую батюшка передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ неподражаемо. Но этого прекраснаго удовольствія для меня теперь быть не можетъ. Это все кончилось. Вы знали Константина Сергѣевича, который удить, курить, съ

восхищеніемъ радуется жизни и природѣ въ каждомъ ея проявленіи, будь это зима или лѣто, будь это палящее солнце или дождь, промачивающій насквозь,—Константина Сергѣевича, который любитъ слышать въ себѣ силы именно тогда, когда неудобство, стужа или что-нибудь подобное ихъ вызываетъ; который въ восхищеніи и крѣпнетъ на телѣгѣ, прыгающей по камнямъ, или подъ дождемъ, его всего обливающимъ,—Константина Сергѣевича, который 28 верстъ проходитъ не присаживаясь, выпиваетъ сливокъ, потомъ квасу, и отправляется еще взваливъ на себя огромныя удилица—удить. Теперешній Константинъ Сергѣевичъ не удить, не куритъ, смотритъ и не видитъ природы или болѣзненно ее чувствуетъ и даже отворачивается отъ нея; иѣженкой онъ не сдѣлается, слабымъ тоже; но не слышитъ въ себѣ этого пріятнаго ощущенія силъ, не ищетъ чего-нибудь понеудобнѣе и потяжелѣ; ему все равно, карета ли или любимая прежде телѣга, къ которой онъ прежде даже и стихи писалъ. Да, все для меня кончилось, жизнь моя кончилась; жизнь была хороша и исполнена прекрасныхъ радостей; и вотъ я помянулъ себя въ письмѣ къ вамъ. Благодарю же васъ.... за все радушіе, какое я видѣлъ бы у васъ. Обнимаю васъ крѣпко.... Я занимаюсь довольно; это я считаю своимъ долгомъ, который я долженъ выплатить; постараюсь сдѣлать все, что могу, на что имѣю способности, и такимъ образомъ расплатиться съ долгами. Я точно собираюсь переѣхать и укладываюсь. Прощайте.... Вашъ Константинъ Аксаковъ.» Былъ и *post-scriptum*: «Время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагають». Почтовая помѣтка 24 Августа 1859 года.

Я читалъ и перечитывалъ это удивительное письмо: оно было для меня живымъ истолкованіемъ всего, что я прочиталъ у него въ глазахъ. Тотъ смертный отъенокъ, поразившій меня тогда, при встрѣчѣ съ нимъ послѣ похоронъ отца, припомнился мнѣ теперь во всей силѣ. Ничего нельзя было сдѣлать съ его грустью; хуже того: съ тою чахоткой и сухоткой, которая у него началась отъ грусти. Злѣйшая чахотка и сухотка, безъ всякихъ физическихъ поводовъ къ тому—единственно отъ нравственнаго недуга! И это въ Константинѣ Сергѣевичѣ, чья крѣпость вошла въ пословицу и котораго самъ Оверъ, за его желѣзное здоровье, звалъ Печенѣгомъ. Приписка: «время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагають» поразила меня едва-ли не болѣе цѣлаго письма. Это былъ уже могильный, гробовой голосъ. Предреченное мнѣ имъ о себѣ еще въ Маѣ мѣсяцѣ, тогда, при личномъ свиданіи въ Москвѣ, теперь подтверждалось заочно уже по прошествіи четверти года.

Послѣ такого письма можно ли было настаивать на его прїѣздѣ? Гдѣ бы онъ ни былъ теперъ, хоть именно на томъ дальнемъ островѣ Зантѣ, гдѣ и умеръ, онъ носилъ въ душѣ такую же неисцѣльную скорбь, какою уже была и злая чахотка въ его тѣлѣ. Я забылъ и думать о прїѣздѣ Константина Сергѣевича. Вдругъ наша бѣдная деревушка освѣтилась посѣщеніемъ и пребываніемъ въ ней этого необыкновенно-жившаго и необыкновенно-умершаго человѣка. И это всего черезъ какія-нибудь двѣ недѣли послѣ того письма!

Наступила осень 1859-го года. Сентябрь былъ въ половинѣ; стояла мгlistая, туманная, дождевая погода. Никитинъ день, 15 Сентября, ярмарка въ ближнемъ уѣздномъ городѣ, больше конная; но торгуютъ на ней и всякимъ добромъ, пригоднымъ въ сельской глуши. Я самъ имѣлъ надобность быть на этой ярмаркѣ. Но срединныя числа Сентября—это еще въ нашихъ мѣстахъ золотая пора для ружейнаго охотника: пролетѣть вальшнеповъ. Предположивъ ѣхать въ городъ на ярмарку, я не хотѣлъ тотъ разъ пропустить и ежедневно-совершаемаго обхода вальшнепиныхъ мѣстъ; всталъ еще до свѣта и выѣхалъ на охоту. Моросило; въ лѣсу мягко и безшумно ступала нога по желтому палому листу, напитанному сыростью. Вальшнепы однако не удались въ то утро. Я застрѣлилъ только одного, да еще черныя-тетерева, случайно вылетѣвшаго даже безъ стойки собаки. Вернувшись домой, приходилось собираться въ новую дорогу: въ городъ на ярмарку. Тамъ, протолкавшись весь день на конной и накупивъ, сколько было надобно, лошадей «на кормъ, для навоза, на зиму»; а также помявъ бока въ народѣ на городской площади, гдѣ продавались горшки, кадки да бочки, я управился только къ вечеру. Отправилъ при себѣ подводы съ разными покупками и съ цѣлымъ небольшимъ табуномъ выѣхалъ изъ города. Домой вернулся поздно да и усталъ еще съ утра на охотѣ. Крошечный нашъ домикъ улегся спать. Вѣковые дубы и липы, даже въ Майскія свѣтлыя ночи, очень темнили здѣшнюю усадьбу; а въ Сентябрь, послѣ девяти часовъ вечера и въ ту же туманную погоду—совсѣмъ была ночь въ нашемъ «скиту».

Въ эту-то неурочную пору, когда ужъ огни загасили въ домѣ, и самъ я, утомленный цѣлымъ днемъ разъѣздовъ, готовился заночевать—послышался глухой неопредѣленный шумъ какъ бы громоздкаго экипажа, на силу подъѣзжавшаго по грязи къ крыльцу. Кормилица, раньше другихъ услышавшая шумъ, а потомъ еще и стукъ въ двери, наскоро одѣлась и отворила; второпяхъ вбѣжала она потомъ въ спальную, сказывая, что «спрашиваютъ барина». Я накинулъ свой тяжелый драповый не то халатъ, не то кафтанъ (это былъ точный снимокъ съ «азяма» въ память Константина Сергѣевича) и выбѣжалъ

встрѣтить добраго гостя, рѣшительно недоумѣвая: кто бы это могъ быть?... «Константинъ Сергѣевичъ!...» и я снова почувствовалъ себя въ его крѣпкихъ, широкихъ объятіяхъ.

Послѣ первыхъ же привѣтствій и распоряженій о пріемѣ путешника съ дороги, я не могъ не разсмѣяться истинно-характеристической чертѣ: только съ Константиномъ Сергѣевичемъ поминутно случались подобныя приключенія! Оказалось, что онъ именно былъ въ имѣніи А. С. Хомякова по случившемуся съ нимъ тогда несчастію: въ Москвѣ говорили, что Хомяковъ упалъ съ лошади и лежитъ больной со сломанной ногою. Константинъ Сергѣевичъ сейчасъ же собрался навѣстить его (впрочемъ никакой опасности не было: больной ужъ оправился).—«Возвращаясь въ Москву», сказалъ Константинъ Сергѣевичъ, «я, разумѣется, не могъ по дорогѣ не навѣстить и васъ». Но вотъ что было истинно забавно: ѣдучи отъ Хомякова по Тульскому шоссе на Серпуховъ, онъ былъ утромъ на Малаховской станціи; въ то самое время, какъ я почти тамъ же охотился за вальшнепами, ему перепрыгали лошадей, и онъ могъ до насъ доѣхать всего въ какой-нибудь часъ, не больше. И вотъ, вмѣсто этого, онъ доѣхалъ вплоть до Серпухова, оттуда поѣхалъ меня разыскивать берегомъ Оки, исколесилъ верстъ тридцать, переѣхалъ Оку на дрянномъ паромѣ, и только тутъ, наконецъ, услышалъ отъ перевозчика, что ему не надо было ни переѣзжать Оки, ни колесить этихъ тридцати верстъ; а теперь волей-неволей приходится еще сдѣлать верстъ двадцать, если не болѣе, совсѣмъ въ обратную сторону, прямо назадъ, откуда ѣхалъ. И все это потому только, что въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова, дѣйствительно, есть другое наше имѣніе, гдѣ я уже не жилъ, о чемъ и предувѣдомлялъ его, приглашая именно на новоселье. Но онъ спуталъ и, садясь въ тарантасъ, назвалъ ямщику то село, куда по старой памяти привыкъ адресовать свои прежнія письма. Такимъ образомъ, онъ пространствовалъ съ утра до ночи весь день больше семидесяти верстъ для того только, чтобъ обѣ полночи подъѣхать къ жилищю, отъ котораго былъ всего въ восьми верстахъ поутру.

Жена, видѣвшая теперь Константина Сергѣевича въ первый разъ и до тѣхъ поръ знавшая его только по моимъ рассказамъ, поразила меня своимъ словомъ объ немъ: «Боже мой! Какое у него доброе лицо! Ну, бываютъ добрыя лица на свѣтѣ, а это что-то невѣроятное! Удивительно доброе лицо!». Тоже слово въ слово говорила кормилица: «добрый, ужъ вотъ добрый баринъ!». Тоже повторяли потомъ всѣ домашніе. И это не безъ причины. Скорбь, прѣждевременно состарившая Константина Сергѣевича, много поработала надъ нимъ въ эти четыре мѣсяца. Онъ уже истинно казался «не отъ міра сего». Не

было слезъ, не было и слѣда «эффектовъ скорби» на этомъ лицѣ; но отмѣнная тихость всего образа и вдумчивость, и задумчивость самоуглубленнаго взора сообщали всей его фигурѣ невообразимую кротость. Казалось, только машинально смотрѣли еще его глаза, пока душа въ тѣлѣ, на все окружающее; но уже ничто, что не въ немъ самомъ, больше не дѣйствуетъ на него—тѣмъ свободнѣе обнажалась душа, тѣмъ непринужденнѣе сквозила и обнаруживалась на его лицѣ святая святыхъ его души: младенческая его простота и доброта, ея всегдашнее свойство.

По счастью, хоть и крошечный былъ тогда нашъ домикъ, но въ немъ нашлась просторная, высокая, удобная комната, гдѣ и былъ приготовленъ ночлегъ для Константина Сергѣевича. Зная его угрюмое настроеніе и отчаянную грусть, я боялся за него, какъ за малаго ребенка; я опасался даже оставить его одного въ потьмахъ или дать ему спать какъ нибудь спокойно въ сумрачныхъ грѣзахъ. Онъ былъ истинно тронутъ хозяйской заботливостью, когда увидѣлъ привѣтливый уголокъ, приготовленный для него съ нѣкоторою предусмотрительностью даже до мелочей. Старинный фарфоровый ночникъ давалъ ровный свѣтъ, не беспокоившій глазъ, и въ тоже время ласковый и манкій. Онъ угадалъ истинное значеніе всей этой предусмотрительности, горячо благодарилъ за все; но и опять повторилъ свое «не бойтесь за меня», памятное мнѣ еще съ Москвы, послѣ похоронъ его отца. — «Не бойтесь же за меня; ни днемъ, ни ночью галлюцинацій у меня нѣтъ. Я не разстроенъ ни нервами, ни воображеніемъ. Я свободенъ отъ всѣхъ страховъ мнимыхъ; я скорблю душою и сознательно отношусь къ самой скорби моей. Веселія душевнаго у меня нѣтъ и быть не можетъ,—только. Я даже работать не могу; писать считаю долгомъ и не могу, потому что даже для работы необходимо веселіе духа; этого веселія больше у меня нѣтъ. Но и только. Повторяю, не бойтесь за меня. Благодарю васъ за дружескій пріемъ; за самый этотъ тихій свѣтъ ночнаго свѣтильника—благодарю. Но я совершенно также уснулъ бы въ потьмахъ. Никакая внѣшность не дѣйствуетъ на меня».

Не называя имени своего отца, даже не касаясь воспоминанія о томъ, что онъ умеръ — всѣ разговоры однакожь, собственно говоря, только объ этомъ и были; то и дѣло переходили еще и прямо къ этому.

— «Теперь-то я понимаю всю нелѣпость смерти!» было однимъ изъ первыхъ словъ Константина Сергѣевича послѣ первыхъ же привѣтствій и отвѣстокъ. «Да, именно *нелѣпость* смерти—лучше нельзя выразить этого — понимаю я. Чтобы все, въ чемъ выражается духъ, что существуетъ какъ духъ—могло уничтожиться, не быть—это до-

гическій абсурдъ. Я теперь не только вѣрую въ безсмертіе души, я логически не понимаю возможности смерти того, что духъ. Это нелѣпность. Я воочию понимаю всю нелѣпность смерти. Я знаю: какъ о чемъ думалъ мой отецъ; его нѣтъ больше со мною; но и теперь во всемъ, что я переживаю и вижу передъ собою день-за-днемъ,—я знаю: какъ бы онъ думалъ обо всемъ этомъ, совершающемся передо мною на моихъ глазахъ? Я слышу поминутно: что сказалъ бы онъ по тому или по другому поводу; я знаю: какъ бы онъ поступилъ. И вотъ это то, что мнѣ ясно: какъ бы онъ думалъ въ извѣстныхъ случаяхъ, даже не приходившихся съ нимъ, и какъ бы онъ поступилъ,—это вдругъ, говорятъ, это самое можетъ умереть, не быть?! О, какая это нелѣпность! Не говорю: вѣра не допускаетъ этого; а говорю: для меня это логическій абсурдъ».

За ужиномъ, между прочимъ, подали вальшнепа и тетерева—добычу моей утренней охоты; я упомянулъ о томъ Константину Сергѣевичу.

— «Какъ прекрасно описывалъ охоту отецъ!» воскликнулъ оцъ, и сейчасъ же заговорилъ опять о своемъ. Даже по поводу вальшнепа и тетерева началъ онъ очень живыя разсужденія о томъ, какъ охотникъ стрѣляетъ дичь потому только, что для него не существуетъ *этого* тетерева, *этого* вальшнепа, при чемъ въ умѣ охотника соединялось бы и представленіе индивидуальности; а существуй только это представленіе, оно отняло бы у него охоту и бить дичь.

Пріѣздъ Константина Сергѣевича меня глубоко тронулъ, хотя это было совсѣмъ не то, что я такъ простодушно предлагалъ ему; а что никакое нигдѣ, вдали отъ семейныхъ воспоминаній, пребываніе болѣе не исцѣлитъ его,—я самъ теперь видѣлъ ясно. «Разумѣется, я долженъ былъ къ вамъ заѣхать», сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, когда я ему напомнилъ о семидесяти вѣрстахъ, сдѣланныхъ имъ въ этотъ день понапрасну. «Я не могъ не пріѣхать къ вамъ», повторилъ онъ нѣсколько разъ на прощаньи. Такъ-то искренне было его слово: «я всегда въ жизни цѣнилъ привѣтъ».

Рано по утру онъ всталъ бодрый, благодарилъ за ночлеги и опять помянулъ добромъ тотъ фарфоровый ночникъ, свѣтъ котораго ему такъ понравился. День былъ свѣтлый. Удаются иногда осенью эти красныя, чисто-лѣтніе дни—еще краше лѣтнихъ; такой именно день и былъ тогда. Мы втроемъ вышли на воздухъ, кто въ чемъ былъ дома, чисто по лѣтнему. Я подвелъ его къ окраинѣ рощи, откуда открывался видъ въ чистое поле и указалъ ему бѣлѣвшую издали; на косыхъ утреннихъ лучахъ солнца, Малахову станцію. Будь это въ другое время, воображаю какимъ звонкимъ смѣхомъ грянулъ бы онъ на свой счетъ по

поводу вчерашняго путешествія: отъ станціи до насъ, въ самомъ дѣлѣ, было рукой подать. Теперь онъ только качнулъ головой и дивился своимъ вчерашнимъ разѣздамъ. Его поразила земля въ нашей мѣстности. «Да тутъ у васъ совсѣмъ черноземъ!» сказалъ онъ, глядя прямо подъ ноги. «Эго мнѣ напоминаетъ наши Вишенки; только тамъ и видѣлъ я такую черную землю». А я, при имени Вишенокъ, вспомнилъ знакомое для меня названіе по «Дѣтскимъ Годамъ Багрова-внука».

Когда мы проходили подъ вѣковыми липами и дубами къ скотному двору, онъ остановился заглядѣвшись на одну красавицу-липу и рядомъ съ нею на кудрявый курчавый дубъ, и сказалъ почти словами своего отца во введеніи къ *Запискамъ объ уженьѣ*: «Не понимаютъ многіе у насъ красотъ природы! Имъ нужны декорациі. Нѣтъ, что мнѣ особенно нравится здѣсь у васъ—это именно сама природа въ ея дикости, въ ея естественной красотѣ. Какъ хорошо тутъ!» Мы прошли на деревню. Только малые ребятишки сновали по улицѣ, да еще у каждой почти избы грѣлись на заваленкѣ. По задворкамъ вездѣ были наставлены скирды и одонья, пахло хлѣбомъ; тамъ весело голосили бабы и мужики, звонко молотили цѣпами. Весь этотъ деревенскій бытъ для знакомаго съ деревнею свой, и исполненъ всякой благодати. Даже улыбка мелькала на лицѣ Константина Сергѣевича. За послѣднюю избой спускался оврагъ или «вершина» по здѣшнему; тамъ былъ Бирюковъ-колодезь съ прекрасною водою. Мы прошли и туда. Колодезь получилъ названіе по прозвищу хозяина крайней избы; его звали Бирюкомъ — а почему неизвѣстно. Это былъ старикъ уже дряхлый; еще дряхлѣе была старуха его жена; дѣтей у нихъ не было, и они жили одиноко. Имъ не накого было запасать и работать: про себя хватить; всѣ работы, раньше чѣмъ у кого на деревнѣ, всегда оканчивались у нихъ. Такъ и теперь: чуть проглянуло вѣдро — и вся деревня, какъ по сговору, замолотила цѣпами, а здѣшніе Филемонъ и Бавкида, какъ малые ребята, грѣлись у себя на заваленкѣ. Женѣ надо было что-то спросить у старухи о лѣкарствѣ, за которымъ она ходила къ намъ во дворъ; я тутъ же познакомилъ и Константина Сергѣевича съ этою замѣчательной на нашей деревнѣ четою. Хозяева благодушно вступили съ нами въ бесѣду и просили еще зайти къ нимъ въ домъ. Не отказался Константинъ Сергѣевичъ, мы зашли. Въ избѣ, въ углу подъ образами, уже былъ накрытъ столъ. Хозяева просили переломить съ ними и хлѣба «изъ нови». У Константина Сергѣевича завязался съ Бирюкомъ разговоръ о грамотности и о книгахъ. На его вопросъ хозяину: «грамотный ли онъ?» Бирюкъ отвѣчалъ о себѣ отрицательно, но распространился о своемъ отцѣ: отецъ не только былъ грамотенъ, а еще и большой начетчикъ,

книгъ у него было много всякихъ. Когда сынъ наследовалъ отцу, то получилъ отъ него между прочимъ, говоря нашимъ языкомъ, цѣлую библіотеку; а какъ выразился самъ Бирюкъ: «такіе вороха книгъ—пришлось подъ нихъ отвести цѣлую клѣтъ». Отъ пожаровъ ли, отъ многихъ ли переѣздовъ, книги у него пропали. Я, признаться, мало смыслилъ въ письменной народной литературѣ, и перечисляемыя книги не очень меня занимали. Но Константинъ Сергѣевичъ долго спрашивалъ о затерянныхъ книгахъ. Хозяинъ многія называлъ по заглавіямъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Константинъ Сергѣевичъ, кажется, угадывалъ знакомыя для себя. Поблагодаривъ хозяевъ за ихъ хлѣбъ-соль, мы пошли назадъ деревней, и они насъ провожали. «Хлѣбъ да соль великое дѣло», сказали намъ Бирюкъ на прощаньи, «хлѣбъ да соль соючаетъ». Это самое присловье имѣлъ онъ обыкновеніе повторять всегда и на барскомъ дворѣ, при мірскомъ угощеніи по разнымъ случаямъ.

Дома насъ ожидалъ завтракъ; а послѣ завтрака мы вышли пить чай—не на балконъ или на терассу, чего тутъ и въ заводѣ не было, а прямо на крылечко. Передъ нимъ разстилалась широкая луговина, а вокругъ ея росли столѣтніе дубы и липы съ густымъ и разнообразнымъ подлѣскомъ. Въ теченіи цѣлаго лѣта здѣсь ворковали горлицы, раздавался живой напѣвъ иволги, соловьи любили гнѣздиться въ здѣшнемъ орѣшникѣ; вообще всякой пѣвчей птицы было много. Теперь, осенью, только одни дрозды чокали и перелетывали по вѣтвямъ. Но день былъ звонный, и чай на крыльцѣ, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ тогдашней погодѣ. Не столько впрочемъ за чаемъ сидѣли мы, какъ просто любуясь тихою солнечной погодой, и долго длилась тихая бесѣда—все о томъ же.

Свою прежнюю мысль, высказанную мнѣ еще вчера о томъ, что неуничтожимость духа представляется ему не только объектомъ вѣры, а даже требованіемъ разсудка, Константинъ Сергѣевичъ развивалъ теперь не только философски, но еще богословски. Не считая себя даже вправѣ касаться теперь тогдашнихъ его богословскихъ опредѣленій, скажу о томъ лишь въ общихъ чертахъ. Онъ зналъ Священное Писаніе не со школьной скамьи и не въ ту лишь мѣру, какъ требуется школьнымъ «Закономъ Божіимъ», а живымъ знаніемъ и ежедневнымъ изученіемъ Писанія въ теченіи цѣлой жизни. Всякаго, кто только въ разговорѣ съ нимъ касался богословскихъ предметовъ, онъ истинно удивлялъ мѣткостью сужденій и свободой вѣры. Не было рабства буквѣ; не было этой узкости отъ буквального пониманія; но въ тоже время и удивительная чуткость нерушимости самаго догмата—ни на іоту какихъ либо отвлеченностей! Никогда его свободомысліе не перехо-

дидо въ рационализмъ. Часто обращались къ нему, прося разрѣшить какое нибудь богословское недоумѣніе или то и другое затруднительное мѣсто Писанія. Онъ раскрывалъ такой широкой и глубокой смыслъ передъ слушателями, и спорный предметъ выставлялся передъ ними въ такомъ новомъ, прежде и неподозрѣваемомъ ими, свѣтѣ, что все недоумѣніе разсѣвалось, и всѣ мнимыя противорѣчія исчезали. И то было еще удивительно въ этомъ «младенцѣ на злое»: ужъ очень тонко понималъ онъ всѣ извивы людской лжи, до нельзя отличалъ всякую кривизну души, въ самые глубокіе тайники ея нечистоты грѣховной проникалъ своимъ неумолимымъ судомъ. Такъ развѣ схимникъ или отшельникъ пустыни, постоянно бодрствующій на стражѣ противъ всякаго лукавства, глубоко проникаетъ во всякую грѣховность, даже неувимую для другихъ. Въ младенчески-чистыхъ душахъ это ужъ какое-то ясновидѣніе для отличенія добра отъ зла; оно —это нравственное ясновидѣніе—имъ дается какъ даръ Божій именно за подвижническую жизнь ихъ. Вспомнимъ стихотвореніе Константина Сергѣевича «Лжедухъ»; тутъ глубокой матеріалъ для того, чтобы надивиться именно этой, если можно такъ выразиться, нравственной сензитивности его.

Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, теперѣ уже напечатанномъ въ полномъ изданіи его сочиненій, допустилъ такое выраженіе о Константинѣ Сергѣевичѣ: «Этотъ человекъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ; тѣ и другія въ немъ накопились, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ и нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человекъ достигнувъ тридцати лѣтъ не женился, то дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ (!?). Для него даже было бы лучше, еслибы онъ въ молодости своей..... (многоточіе въ печатномъ подлинникѣ). Но воздержаніе во всѣхъ разсѣянiяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ». Гоголь умеръ задолго до возмужанія и кончины Константина Сергѣевича. Нѣтъ-ли здѣсь, въ приведенныхъ словахъ, немножко того, что зовутъ: съ больной головы на здоровую? При усердіи не по разуму и при веригахъ не по силамъ, дѣйствительно, происходятъ болѣзненные пароксизмы духа и тѣла. Это тѣ нервно-болѣзненные припадки, въ которыхъ менѣе всего обличается духъ собственно такъ-называемый. Эти пароксизмы составляютъ лишь законное возмездіе и своего рода казнь именно за извращеніе свободнаго духа: ибо, во всѣхъ явленіяхъ такого рода, собственно говоря, плоть прикидывается духомъ. Самъ Гоголь, какъ извѣстно, напоследокъ, дѣйствительно «воздерживался отъ всѣхъ разсѣній жизни и плоти, и отъ этого всѣ у него силы устремились»... только не *къ духу*, къ сожалѣнію, а именно къ фанатизму.

Свобода духа и фанатизмъ двѣ вещи несовмѣстныя. Какъ нельзя сознательнѣе и свободнѣе относился Константинъ Сергѣевичъ даже къ своему «дѣвственному состоянію», о чемъ говорится въ этомъ печатномъ письмѣ Гоголя. Были другіе комментаторы этого состоянія Константина Сергѣевича; они прямо считали его какимъ-то платоническимъ идеалистомъ: сама ужъ природа у него такая, говорили, это его физиологическая черта, не больше. На этотъ счетъ и тѣ и другіе неправы. Это не было фанатизмомъ съ его стороны ни въ основѣ, ни въ послѣдствіяхъ, какъ могли бы заключить иные изъ письма Гоголя; это не было и отсутствіемъ подвига, какъ легкомысленно объясняли другіе. Я посмѣлъ ему прямо это высказать тотъ разъ во время нашей бесѣды. «Говорять», сказалъ я, «что въ самомъ организмѣ человѣка заключаются иногда условія для дѣвственнаго состоянія его; иной человѣкъ таковъ ужъ отъ природы, въ томъ нѣтъ и заслуги съ его стороны. Чтò вы скажете объ этомъ относительно васъ самихъ?»—«Зачѣмъ такъ думать? возразилъ онъ съ живостію. «Даромъ человѣку ничто не дается, достиженіе чего составляетъ нравственный подвигъ. Это подвигъ воли, и очень тяжелый». И столько же скромно, сколько гордо, онъ прибавилъ: «Я скажу, по крайней мѣрѣ, о себѣ; нѣтъ, мнѣ это не даромъ далось»; послѣднее было имъ выговорено съ большимъ усиліемъ.

Теперь прошло немало времени со смерти Константина Сергѣевича, а, встрѣчаясь съ его знакомыми, приходится отъ нихъ слышать и до сихъ поръ: «Неправда-ли, всякій разъ какъ приводилось быть съ Константиномъ Сергѣевичемъ, послѣ того приходилось и самого себя чувствовать какъ-то чище; какъ-то нравственнѣе дѣлался съ нимъ, и нравственность чувствовалъ болѣе обязательною для себя?»

Въ этотъ день онъ долженъ былъ и уѣхать отъ насъ въ Москву. Я не смѣлъ его удерживать: онъ и такъ потерялъ одинъ день въ напрасныхъ странствіяхъ съ утра до ночи; а въ Москвѣ за него могли безпокоиться; кромѣ другихъ близкихъ тамъ ждала его старушка-мать. Ему подали рессорный шарабанъ, легкій какъ перышко, къ тому же еще и съ прѣстѣжкой: въ часть съ небольшимъ, я ручался ему, онъ ужъ будетъ въ Серпуховѣ. Садясь въ него, онъ даже попенялъ: «Зачѣмъ для него такія удобства?»; а для насъ, признаться, всего было сподручнѣе отпустить именно этотъ экипажъ въ дорогу, такъ какъ всякій другой потребовалъ бы четверню или по крайней мѣрѣ тройку. Молодой парень, кучеръ отвезшій его въ городъ, скоро возвратился назадъ. Константинъ Сергѣевичъ при немъ взялъ почтовыхъ и поѣхалъ въ Москву. Въ одно слово со всѣми домашними и кучеръ двинулся теперь: «Ужъ очень добрый баринъ! Тихій такой! Нелзъ я и ска-

зять, какой тихій». Оказался и тутъ, напослѣдокъ, одинъ маленькій эпизодъ, очень характерный въ Константинѣ Сергѣевичѣ. Онъ въ дорогѣ спрашивалъ кучера о шоссейныхъ заставахъ и много-ли ихъ ему встрѣтится на пути? Дѣло въ томъ, что, не запасшись форменной по дорожной, онъ переплатилъ что-то втрое на этихъ заставахъ; наконецъ, на одной изъ нихъ, по выѣздѣ отъ Хомякова, взялъ квитанцію въ полной уплатѣ за весь путь до Москвы; но потерялъ этотъ билетикъ, искалъ его во всѣхъ карманахъ дорогою, не нашелъ, и ему теперь предстояли новыя мытарства.

Памятное его посѣщеніе для меня навсегда освѣтило здѣшній уголокъ. Скоро я совсѣмъ покинулъ эти мѣста. Живя въ другомъ имѣніи, случалось и по годамъ не заглядывать сюда. Но какъ только приходилось навѣстить эту мѣстность, въ душѣ возникали дорогія воспоминанія о пребываніи здѣсь Константина Сергѣевича, съ ясностью вчерашняго дня. Я до сихъ поръ не могу очутиться на крылечкѣ здѣшняго дома предъ лужайкой, окруженной вѣковыми дубами и липами, чтобы все это прошлое не воскресло вживѣ.

IV.

Больше я не видалъ Константина Сергѣевича. Письмо за письмомъ отъ него—каждое становилось мрачнѣе. Онъ тяжело заболѣлъ, долго лежалъ безъ сознанія, но выздоровѣлъ. Какъ мрачно увѣдомлялъ онъ меня о своемъ выздоровленіи! Точно радуясь описывалъ свою болѣзнь и отчаянное положеніе: «сидѣли надо мной; я замѣчалъ въ безпамятствѣ, что и по ночамъ не отходятъ отъ меня» и послѣ того, какъ бы съ горемъ добавлялъ: «но еще не пришло». Его сокрушало только одно: много задуманныхъ работъ осталось не исполнено; иное было лишь въ черновыхъ наброскахъ; другое не было даже и вчернѣ занесено на бумагу. Особенно тяготили его неоконченные труды по Русской грамматикѣ. «Все это я считаю своими долгами, — подтверждалъ онъ въ одномъ письмѣ—я не имѣю права не выплатить этихъ долговъ. Но прежней работы нѣтъ. Для того чтобы работать, нужно веселіе духа. Его нѣтъ у меня». Въ это время онъ часто тосковалъ по одному и тому же вопросу: кому передать? Цѣлое *направленіе* уносилъ онъ съ собой въ могилу. Онъ выглядывалъ среди молодежи. Подростающая университетская молодежь была предметомъ его заботливаго вниманія; онъ любилъ говорить съ ней и объ ней, спрашивалъ объ университетѣ; его постоянно интересовало: встрѣчаются ли талантливыя, выдающіяся личности между студентами?

Въ пятидесятихъ годахъ ужъ начиналось кривоблужденіе мысли, потомъ расцвѣтшее въ *нигилизмъ*. Молодые люди, сходявшіеся другъ къ другу на вечеринки не затѣмъ чтобы пить вино и играть въ карты, казались очень подозрительными такому «государственному дѣятелю», какимъ былъ графъ Арс. Андр. Закревскій. Напротивъ того, люди подобные А. С. Хомякову и К. С. Аксакову, очень интересовались въ молодомъ поколѣніи именно тѣми отдѣльными личностями, о которыхъ слышно было, что сходятся они, какъ Дерптскіе студенты и по выраженію Дерптскихъ студентовъ, «развивать идею», а въ карты не играютъ. Я живо помню одну изъ такихъ трезвыхъ студенческихъ вечеринокъ въ глухомъ переулкѣ, въ мезонинѣ крошечнаго домика. Я уже тогда вышелъ изъ университета, но зналъ хозяина еще въ университетѣ,—курсами двумя онъ былъ моложе меня. Сюда, къ простымъ бѣднякамъ-студентамъ, готовымъ рѣшать всѣ вопросы на отъмахъ и очень ужъ зараженнымъ невѣріемъ, безвѣріемъ и всякимъ всевозможныхъ видовъ отрицаніемъ, охотно пріѣзжали «вести споры» и А. С. Хомяковъ, и К. С. Аксаковъ. Плоды этихъ посѣщеній сказались много лѣтъ позднѣе, когда ни того ни другаго не было ужъ въ живыхъ; сказываются еще и въ наши дни.. Изъ этихъ родоначальниковъ нигилизма и нигилистовъ ни одинъ не попалъ въ ихъ ряды; напротивъ, то одинъ, то другой все болѣе отворачивались отъ криваго пути и выходили на прямую дорогу; иные, прямо сказать, ознаменовали добрыми трудами свой путь; не всѣ живы, а кто живъ и сейчасъ трудится на прямомъ пути..

«*Направленіе!*» Какъ много страстныхъ споровъ возбуждало тогда ужъ одно это слово.. какъ, впрочемъ, и теперь. Мнѣ живо припоминается юнѣйшій, чистѣйшій и честнѣйшій, блѣдный съ голубыми глазами поэтъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ, спорящій съ Константиномъ Сергѣевичемъ объ самомъ этомъ словѣ: *направленіе*. «Помилуйте—говоритъ онъ запыхавшись—что такое направленіе? Избави Богъ придерживатьея какого бы то ни было направленія! Разъ есть направленіе, ужъ это односторонность! Истина дважды два четыре всегда истина—при всѣхъ направленіяхъ и для всѣхъ направленій! Мое направленіе въ томъ и состоитъ, чтобы не дать себя уловить ни одному изъ направленій!» О, юный, зеленый и молодой споръ! Константинъ Сергѣевичъ добродушнѣйшимъ образомъ доказывалъ юношѣ, что направленіе нимало не отнимаетъ и не стѣсняетъ ни свободы воззрѣній, ни искренности вѣры; оно и служитъ компасомъ свободолобцу, указывающимъ: что онъ свободно принимаетъ и что отвергаетъ, анализируя чужія мнѣнія; ибо, прежде всего, оно и есть синтезъ его собственной аналитики. Константинъ Сергѣе-

вичъ мнѣ какъ-то писалъ объ этомъ юномъ,—и въ лѣтахъ самой цвѣтущей юности скончавшемся—поэтъ: «У насъ съ нимъ было два серьезныхъ разговора, которые если не привели къ окончательному результату, то подвинули много впередъ. Я надѣюсь, что со временемъ онъ будетъ согласенъ съ нашими убѣжденіями. Онъ выслушиваетъ, взвѣшиваетъ, ищетъ доказательствъ, а это много и непремѣнно доводитъ до результата».

*

Больше я не видалъ Константина Сергѣевича. Въ Сентябрѣ 1859-го года было наше послѣднее, описанное здѣсь, свиданіе. Всю зиму онъ чахнулъ; весной и лѣтомъ заболѣлъ такъ, что его отправили за границу; въ томъ же 1860-мъ году онъ и скончался 7 Декабря, вдали отъ родины, въ Греческомъ архипелагѣ, на островѣ Зантѣ. За границею первоклассныя знаменитости, иноземные врачи, дивились чахоткѣ и сухоткѣ этого богатыря, умиравшаго съ тоски по своему отцѣ; собственно, вся и болѣзнь была въ этомъ. Доктора не давали лѣкарствъ, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его. Тогда Италия шумѣла именемъ Гарибальди; въ ней пробуждалось народное движеніе, не совѣтовали пускать туда, а указывали на какія нибудь «увеселительныя воды» или даже на Парижъ, совѣтуя возить на разныя гулянья, а если въ театръ, то исключительно въ водевили. Но жить такимъ образомъ для Константина Сергѣевича значило: не жить. Онъ ужъ умиралъ; послѣднія оставшіяся средства, хотъ для продленія послѣднихъ дней, медики свели на «теплый морской климатъ».. и вотъ онъ попалъ на островъ Занте. Когда пароходъ везъ его къ этому послѣднему пристанищу, онъ съ болѣзненной грустью глядѣлъ въ волны и говорилъ своему неизмѣнному спутнику, сопровождавшему его брату, Ивану Сергѣевичу Аксакову: «Неужели однако ужъ и кончено? Какъ ни ожидалъ я, но чтобы такъ ужъ скоро, кто бы думалъ?»

На пустынномъ островѣ не было Русскаго православнаго священника для исповѣди больнаго; нашелся Грекъ, едва говорившій по-французски. У этого-то Грека и исповѣдывался умирающій на своемъ нелюбимомъ языкѣ. Что за судьба?. И, словно, еще не иронія ли съ ея стороны?. Никакой ироніи тутъ нѣтъ, хотя и знаменательно оно. Свободная вѣра Константина Сергѣевича не знала ничего условнаго, и всякій фетишизмъ былъ ей чуждъ. Кто не понималъ и не понимаетъ, что можно снимать шапку въ Спасскихъ Воротахъ и креститься на золотыя макѣвки Кремля и въ тоже время не быть фетишистомъ,— тотъ не понимаетъ.

Грекъ, призванный къ умирающему и спѣшившій по-просту справить потребу, былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ: нельзя ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, мать покойнаго? Ему хотѣлось ей передать — и если не придется лично, Грекъ просилъ ей передать отъ него — праведникъ скончался! Еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ разспросовъ: Да, кто же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ?

Ему отвѣчали, что это былъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И чтò же можно было сказать больше этого?

Н. Бицынъ.

